

попаванец

Игорь Валериев

ЕРМАК
ИНТЕРВЕНЦИЯ

Попаданец (АСТ)

Игорь Валериев

Ермак. Интервенция

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Валериев И.

Ермак. Интервенция / И. Валериев — «Издательство АСТ»,
2022 — (Попаданец (АСТ))

ISBN 978-5-17-151422-8

Тимофей Васильевич Аленин-Зейский, в тело которого пятнадцать лет назад попала матрица или душа офицера спецназа с огромным боевым опытом, за эти годы достиг многого. В настоящее время он получил личный приказ императора Николая II встретиться с командующим Бэйянской армией генералом Юань Шикаем, который, вероятнее всего, готовит военный переворот в империи Цин. Вот уже три недели идёт русско-японская война, начавшаяся 16 августа 1903 года. Мы выиграли три морские битвы, получив значительное преимущество на морском театре военных действий, но с большой вероятностью ожидаемо, что Британия и САСШ вмешаются в боевые действия на стороне Японской империи. У Российской империи три союзных договора: с Германией, Францией и Китаем. Что ждать ей от этих союзников?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-151422-8

© Валериев И., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	18
Глава 3	26
Глава 4	34
Глава 5	42
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Игорь Валериев

Ермак. Интервенция

© Игорь Валериев, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Серия «Попаданец» Выпуск 137

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

* * *

Посвящается моему отцу Валерию Ивановичу и любимой жене Людмиле. За их поддержку и помощь.

Автор искренне благодарит всех участников литературных форумов «В Вихре Времени» и «Автор-Тудей», чья критика, замечания и советы позволили улучшить данную книгу, особенно: Акимова Сергея Викторовича, Мармонтова Игоря Георгиевича, Черепнёва Игоря Аркадьевича, Шаранова Евгения Ивановича.

Пролог

Я вышел из рубки и глубоко вздохнул. Мимо пробежал матрос, которого я окликнул:
– Братец, мичмана Селезнёва к командиру быстро. И рулевого Мишку – не знаю, как его фамилия – также в рубку.

– Слушаюсь, вашвысокобродь. Только Мишку убило, но я кондуктора Силыча позову, он за штурвалом стоять сможет. – С этими словами матрос убежал.

Я же, посмотрев за корму, увидел, что два японских истребителя приблизились так, что их низкие силуэты можно было уже рассмотреть без оптики.

«Мили полторы, а то и меньше осталось. Кажется, минут пятнадцать, и моя жизнь в этом мире закончится». – Про этот мир я подумал, не разделяя его на этот и тот свет.

Так уж получилось, что моя матрица сознания или душа гвардии подполковника спецназа ГРУ Аленина Тимофея Васильевича каким-то образом пятнадцать лет назад перенеслась из две тысячи восемнадцатого года в одна тысяча восемьсот восемьдесят восьмой год в тело четырнадцатилетнего казачонка Тимохи Аленина из станицы Черняева Амурского казачьего войска.

За эти пятнадцать лет много чего произошло со мной в этом мире. Если заполнять анкету, то я теперь Тимофей Васильевич Аленин-Зейский, подполковник Генерального штаба, флигель-адъютант и начальник Аналитического центра при российском императоре. Семейное положение – женат, причём на дочери генерала от инфантерии Беневского. Недавно стал отцом.

Здесь, в Бохайском море, оказался из-за личного приказа императора Николая II встретиться с командующим Бэйянской армией генералом Юань Шикаем, который, вернее всего, готовит военный переворот в империи Цин.

Вот уже три недели идёт русско-японская война, начавшаяся шестнадцатого августа одна тысяча девятьсот третьего года. Мы выиграли три морские битвы, получив значительное преимущество на морском театре военных действий.

В этом мире до восемьдесят восьмого года события происходили так же, как и в моём прошлом-будущем, но потом начались резкие отличия. Александр Третий дожил до двадцать девятого сентября одна тысяча девятисотого года.

У Николая Второго жена не Гессенская муха, а Елена Орлеанская. Аликс же по настоянию королевы Виктории вышла замуж за герцога Йоркского, теперь уже короля Георга Пятого, так как королева Виктория и принц Уэльский умерли раньше времени, с моей помощью.

Николай II не тот рохля, как в моём прошлом, а довольно-таки резкий правитель. Решительно отомстил Британии за гибель родителей, брата и сестры.

Мятеж дяди – великого князя Владимира Александровича – буквально утопил в крови. Ввёл изменения в законодательство Российской империи, которые практически полностью копировали сталинскую пятьдесят восьмую статью из прошлого-будущего, с моей подачи, конечно, что позволило взять за горло и аристократию, и чиновников, и буржуазию.

Отменил выкупные платежи для крестьян, готовится ввести конституцию. Столыпин и Струве в Гродненской губернии по поручению государя проводят аграрную реформу, пытаются совместить несовместимое, а именно общинную и частную собственность на землю. Может, у них и получится провести аграрную реформу потом на всей территории Российской империи с куда большим эффектом, понизив градус возмущений крестьян и решив вопрос с периодически приходящим на Русь голодом.

Но самым важным успехом своего «прогресстворства» в этом мире считаю не пулемёты Мадсена, Максима, пистолет-пулемёт специальный, снайперскую винтовку, разрабатываемые

миномёты и прочие военные вундервафли, а появление пенициллина или чего-то на него похожего, что произвели с моей подсказки супруги Бутягины.

Они не только создали сильный антибиотик, но и провели удачные испытания, убедили многих медицинских светил, и теперь в Томске уже больше года действует бактериологический институт с производственными мощностями по изготовлению пенициллина, а также противодифтерийной сыворотки и оспенной вакцины. Надеюсь, эти лекарства спасут миллионы подданных Российской империи.

Я мысленно усмехнулся. Что же, в этом мире время я провёл не зря. Пятнадцать лет урагана, а не жизни, вместо пенсионерского прозябания в прошлом-будущем. Даже сына успел заделать. Значит, будет продолжение меня здесь. Жаль, что там так и не смог продлить свой род. Хотя свой офицерский долг перед Родиной выполнил.

В этот момент в моём сознании зазвучали слова песни Газманова:

Офицеры, офицеры, ваше сердце под прицелом
За Россию и свободу до конца!
Офицеры, россияне, пусть свобода воссияет,
Заставляя в унисон звучать сердца!

«Какая на хрен свобода, победа должна воссиять, – подумал я, встряхнув головой. – Кому ангелы перед смертью приходят, а мне – песня Газманова. Хотя тоже неплохо».

Мои размышления прервала рука, появившаяся из трюмного люка. Плюнув на качавшуюся палубу, я бросился к входу в машинное отделение, засунув пистолет в кобуру. Пока добрался, из люка выбрался Зверев, а за ним – ещё один матрос.

– Василий Васильевич, как вы? – спросил я, подойдя к старшему инженер-механику, невольно отводя глаза от его лица, покрытого волдырями.

– Жить буду, – стармех посмотрел за корму, жутко усмехнулся, – только недолго.

– Что там? Ход будет? – спросил я.

– Кондуктор Васильев закрыл собой пробитый паропровод. Его тело будто приварило к нему, – по щекам с волдырями Зверева потекли слёзы. – Меня оттолкнул, а сам лёг на пробитое отверстие. Володька...

Плечи стармеха затряслись.

– Четверо там осталось, совсем остались, – произнёс матрос с таким же «сваренным» лицом и руками, а потом он согнулся, и его вырвало.

В этот момент к нам подошёл Селезнёв.

– Вася, ты как? – спросил он Зверева, бледнея на глазах.

– Узлов двадцать – двадцать пять дадим ещё какое-то время. Сколько – я не знаю, – старший инженер-механик корабля обвёл нас каким-то пустым взглядом. – Такого хомута на паропровод я ещё не видел.

Последующее дальше выражение лица Зверева было страшным и каким-то безумным.

Мичман хотел дотронуться до руки стармеха, но, увидев, в каком она состоянии, отдернул ладонь.

– Вася, я к командиру, – закаменев лицом, Селезнёв бросился к рубке.

Я же стоял и не знал, что делать. Нет, я, конечно, представлял, как оказывать помощь с ожогами, но под руками не было ничего. Совсем ничего...

– Господин полковник, идите к командиру. Мы тут как-нибудь сами. Сейчас внизу чуть развеется, и мы спустимся туда.

«Млять, да чтоб его в клюз, в перехлёт и якорь мне в зубы...» – ругался я про себя, когда шёл к рубке.

Не найдя в себе сил пройти в неё, поднялся на смотровую площадку или ходовой мостик. Хрен его знает, как это правильно называется. Поднеся к глазам бинокль, который был в специальной подставке, посмотрел туда, где виднелись дымы.

Удалось рассмотреть какой-то корабль, похожий на наш истребитель, и ещё один крупный, судя по всему, крейсер. Не раздумывая, скатился вниз и ворвался в рубку.

– Константин Александрович, там истребитель и крейсер. На курсе... – я немного завис. – В общем, слева от нас.

Панфёров, передав штурвал, видимо, кондуктору Силычу, который успел прибыть в рубку, бросился на ходовой мостик. Селезнёв и я двинулись за ним.

Поднявшись, вместе с Семёном Владимировичем застыли, ожидая, что же скажет командир корабля. Тот, прильнув к биноклю, долго рассматривал два корабля, а потом радостно произнёс:

– Кажется, ещё поживём, господа офицеры. Это германцы. Истребитель «Таку» и бронепалубный крейсер «Нимфе». Если успеем до них дойти, то думаю, они нас подберут, когда взорвём наш корабль. – Панфёров замолчал, а потом продолжил: – Всё-таки союзники, какие-никакие, а япошки не захотят с ними связываться. У меня задача доставить вас, Тимофей Васильевич, и генерала Вогака в Тяньцзинь. Если я не смогу, то пусть германцы доведут.

Панфёров улыбнулся, а потом всё завертелось.

«Лейтенант Бураков», резко изменив курс, направился навстречу германским кораблям. «Таку», как и «Бураков», был одним из четырёх захваченных китайских миноносцев во время боксёрского восстания. При дележе добычи он был зачислен на службу в состав германской Восточноазиатской крейсерской эскадры, расположенной в Циндао. И теперь этот корабль резко ускорился и пошёл к нам навстречу.

Японские истребители усилили огонь, но в этот раз Бог нас хранил. «Лейтенант Бураков» шёл на двадцати пяти узлах, не теряя скорости, а все японские снаряды пролетали мимо.

Минут через десять германский истребитель, сбросив скорость и описав широкую дугу, прикрывая нас, встал к нам в кильватер, а на его передней мачте затрепетал флаг «Юниформ» – «Вы идёте к опасности».

Японские миноносцы, сделав ещё пару выстрелов, отвалили в сторону. В бинокль было видно, как 105-миллиметровые орудия правого борта крейсера «Нимфе», подходившего к нам, начали наводиться на японские корабли, а на его мачте также затрепетал флаг «Юниформ».

Глава 1

Союзники

– Господа, я ещё раз поднимаю этот бокал за наших спасителей, за доблестных офицеров кайзерлихмарине. За вас, господа! – Вогак с бледным лицом отсалютовал бокалом с коньяком двум германским морским офицерам, сидящим за столом, и выпил.

Я, Панфёров и Селезнёв, встав, поддержали генерала. Командир бронепалубного крейсера «Нимфе» фрегаттен-капитан барон Клейст и командир истребителя «Таку» капитан-лейтенант фон Шварценберг также поднялись на ноги и, коротким кивком поприветствовав тост Константина Ипполитовича, медленно вдохнули пары коньяка и браво опрокинули бокалы.

Я выпил не знаю уж какой по счёту бокал под тосты за наших спасителей, но алкоголь не брал абсолютно. Видимо, нервная система от всего пережитого всего лишь несколько часов назад до сих пор впрыскивала в кровь адреналин в больших количествах, при этом её ещё и коньяк подстёгивал.

Да, появление германских кораблей и их действия спасли наш корабль от верной смерти. Когда японские истребители отвалили в сторону, мы, дойдя до германского крейсера, попросили у немцев два часа на ремонт, для чего надо было лечь в дрейф, либо принять на борт дипмиссию российского императора и доставить её в Тонгу.

Фрегаттен-капитан барон Клейст пошёл нам навстречу, и «Нимфе» вместе с «Таку» легли в дрейф, прикрывая наш миноносец с двух сторон. Японские истребители, развернувшись, прошли мимо тройки лежавших в дрейфе кораблей, но атаковать под нацеленными стволами 105-миллиметровых орудий, способных выпустить до пятнадцати снарядов в минуту, не рискнули и вскоре скрылись за горизонтом.

Два часа прошли быстро. Под руководством стармеха Зверева, непонятно как оставшегося на ногах, тело кондуктора Васильева сняли с паропровода, который на скорую руку залатали с помощью хомутов, устранили другие повреждения, какие были в силах исправить за это короткое время.

Потом весь экипаж собрался на палубе. Морю предали тело спасшего корабль кондуктора Васильева Владимира Ивановича и ещё девяти погибших моряков. Решение похоронить в море павших в бою приняли сообща.

Как сказал генерал Вогак, христианское кладбище в Тонгу постоянно подвергается разорению со стороны китайцев, и лучше похоронить моряков по морскому обычаю. Так Бохайское море стало местом захоронения ещё десяти русских моряков.

Кроме десяти погибших ещё тринадцать человек было ранено. Среди них оказался и генерал Вогак. Осколок снаряда, непонятно как залетевший в помещение, где он находился, вспорол Константину Ипполитовичу плечо. Слава богу, рана была небольшой, и до того момента, когда ему смогли оказать помощь, кровотечение уже остановилось благодаря платку, который Вогак наложил на рану под мундиром.

Командир «Нимфе», узнав, что одним из представителей дипмиссии является раненый генерал, прибыл на борт «Лейтенанта Буракова» вместе с врачом и парой санитаров крейсера.

После оказания помощи раненым барон остался на похоронах. Был шокирован, узнав про подвиг кондуктора Васильева. В результате все раненые, включая Константина Ипполитовича, были переправлены на германский крейсер. Фрегаттен-капитан клятвенно пообещал, что всем раненым будет оказан достойный уход и на корабле, и, когда крейсер вернётся в Циндао, в германском госпитале. После завершения лечения русские моряки будут переправлены в Российскую империю.

Закончив со всеми хлопотами, корабли на десяти узлах пошли к устью реки Пейхо к фортам крепости Дагу. В Чилийском заливе барон Клейст вместе с генералом Вогаком перешли на борт «Таку», и два миноносца спокойно поднялись по реке до города Тонгу, откуда ранним утром на поезде я и Константин Ипполитович должны были отправиться до Тяньцзиня, а командир «Нимфе», как выяснилось, до Пекина, выполняя какую-то свою миссию.

Ожидая поезд, оккупировали небольшой кабинет ресторана при гостинице европейского типа, где остановились до утра, и вот уже час чествовали своих спасителей. Времени у нас было вагон и маленькая тележка.

– Господа, я хочу поднять этот бокал за мужество русских моряков. Сегодня я стал свидетелем подвига Российского императорского флота. Один миноносец принял бой против трёх и потопил один из них. А то, что совершил ваш кондуктор Васильев, – это, это... Я не могу подобрать слов. Подвиг?! Но этого слова слишком мало. Не знаю, смог бы кто-то из матросов кайзерлихмарине повторить такое. Я буду писать кайзеру с просьбой наградить этого храброго и самоотверженного матроса. Теперь я понимаю, как вы одерживаете одну за другой победы на море в битвах с японцами. За ваше мужество! – прервал мои воспоминания барон Клейст, который, закончив говорить очередной ответный тост, чисто по-русски махнул бокал, будто это не благородный коньяк, а водка или шнапс. По-русски он, кстати, говорил, как на родном.

За такой тост все дружно поднялись и выпили. Приземлившись за стол, в молчании закусили, делая перерыв между возлияниями, чему я был откровенно рад. Офицеры Российского императорского флота и кайзерлихмарине оказались достойны друг друга в принятии на грудь больших количеств благородного напитка. Я хоть и был пока трезв из-за взбудораженной нервной системы, но прекрасно осознавал, что мне с моряками не тягаться. Да и за Вогака несколько переживал, здоровым он отнюдь не выглядел. Ушибленные рёбра в тугой перевязке, раненое плечо, но Константин Ипполитович держался молодцом, несмотря на бледный вид.

– Тимофей Васильевич, а вы обещали песню, – нарушил невольно возникшее молчание кап-два Панфёров, положив нож и вилку.

– Константин Александрович, уместно ли сейчас будет петь? – попытался я отбрехаться.

– Что за песня? – поинтересовался Вогак.

– Ваше превосходительство, полковник Аленин-Зейский перед началом боя с японцами пообещал мне исполнить песню, посвящённую морякам, ничуть не хуже песни про подвиг «Варяга».

– О-о-о... Крейсер «Варяг»! Мозампо! Мы слышали о том бое! Это гроссен виктория! – вмешался в разговор фон Шварценберг, который на русском языке говорил значительно хуже командира крейсера, но всё понимал хорошо.

– А что, уже и про этот бой сложена песня? – поинтересовался барон Клейст.

– Да, господин фрегаттен-капитан. И с нами за столом сидит её автор. – Панфёров головой показал, кто является этим автором.

– Тимофей Васильевич, просим, – попросил, как приказал, генерал Вогак.

– Господа, но без музыкального сопровождения как-то...

– Я об этом позаботился. Старший инженер-механик Зверев любит исполнять романсы под гитару. Так что... – Константин Александрович поднялся из-за стола, сходил в угол кабинета и вернулся назад с гитарой. – Насколько мне известно, вы на этом инструменте музицируете. Начните, пожалуйста, с «Варяга».

Дальше отказываться становилось неудобным, поэтому, взяв гитару и чуть подправив её под себя, как и просили, начал с песни о подвиге русского крейсера. Вскоре ко мне присоединились Панфёров и Селезнёв. Получилось, может быть, и не так музыкально, но зато очень душевно, даже наших германских друзей пробрало.

– Превосходно, – произнёс командир «Нимфе» и захлопал в ладоши, к нему присоединился фон Шварценберг.

– Кстати, господин фрегаттен-капитан, Константин Александрович и Семён Владимирович были участниками той битвы, – произнёс я, переводя стрелки.

Этот манёвр, пока Панфёров и Селезнёв рассказывали о морском бое на рейде Мозампо, оттянул исполнение песни на десять минут, и за это время я на скорую руку изменил пару строк, приводя песню к современной обстановке.

По окончании рассказа все дружно выпили за «Варяг» и его подвиг. Тут принесли горячее, и все быстренько приступили к его уничтожению. Всё-таки под лёгкую закуску выпито было прилично.

– Тимофей Васильевич, первый голод утолили и теперь ждём песню, которую вы обещали Константину Александровичу, – улыбаясь, произнёс Вогак, щёки которого от коньяка и горячей пищи разругались.

Понимая, что дальше отвертеться не удастся, я взял первые аккорды, а потом запел:

Прощайте, Артурские горы!
На подвиг Отчизна зовет.
Мы вышли в открытое море,
В суровый и дальний поход.
А волны и стонут, и плачут,
И плещут на борт корабля...
Растаял вдали полуостров Тигровый,
Теперь это наша земля.

Я пел, а перед глазами вставали картинки недавнего боя, лицо деда, кадры из военноморской хроники про Великую Отечественную войну. Возникло чувство какого-то единения тех и сегодняшних событий. Всё течёт, меняется, а мужество и бесстрашие русских моряков остаётся неизменным.

Корабль мой упрямо качает
Крутая морская волна,
Поднимет и снова бросает
В кипящую бездну она.
Обратно вернусь я не скоро,
Но хватит для битвы огня...
Я знаю, друзья, что не жить мне без моря,
Как море мертво без меня.

«Извините, авторы этой песни, не помню кто вы, но сейчас она нужна в этом мире. Пусть она станет гимном Тихоокеанской эскадры. Им ещё тащить и тащить на себе все тяготы этой войны», – промелькнуло в мыслях.

Нелегкой походкой матросской
Иду я навстречу врагам,
А после с победой геройской
К скалистым вернусь берегам.
Хоть волны и стонут, и плачут,
И плещут на борт корабля,
Но встретит героев-артурцев с поклоном
Российская наша земля!

Я закончил песню, и в кабинете наступила тишина.

– Дал же Бог вам талант, Тимофей Васильевич, – растроганно произнёс Вогак, смахнув слезы, появившиеся в уголках глаз.

– «Я знаю, друзья, что не жить мне без моря, как море мертво без меня». Будто бы про меня, – произнёс Панфёров, часто моргая заблестевшими глазами.

– Вы уже считаете Порт-Артур своей землёй? – вопрос Клейста вернул меня на грешную землю.

Я посмотрел в трезвые глаза фрегаттен-капитана и задумался, что же ответить, но тут мичман Селезнёв с каким-то юношеским максимализмом и задором произнёс:

– Как сказал император Николай Первый: «Где раз поднят русский флаг, он уже спускаться не должен!» Эта фраза выбита на памятнике адмиралу Невельскому во Владивостоке.

Барон вежливо улыбнулся, а я бросил быстрый взгляд на Вогака. Тот на мгновение закрыл глаза, как бы призывая к спокойствию.

Слава Богу, в этот момент за стеной кабинета шум общего зала ресторана значительно усилился и перерос в гвалт.

– Что-то случилось?! – несколько обеспокоенно произнёс барон Клейст.

– Насколько я услышал и смог разобрать, в Бомбее потоплены английские корабли... – Вогак прислушался, но ор стоял такой, что разобрать отдельные слова не получалось. – Тимофей Васильевич, вы же говорите по-китайски, не узнаете, что же произошло?!

Я, утвердительно кивнув, вышел из кабинета и вскоре вернулся назад со срочным вечерним выпуском местной газеты. Оказывается, продавец газет как-то просочился в зал ресторана, надеясь на более состоятельную публику, и начал громко рекламировать последнюю газетную новость, а она была действительно сногшибательной, поэтому и реакция посетителей была столь бурной.

– Ваше превосходительство, извините, но с чтением китайских газет у меня проблемы, не так уж и хорошо я знаю их письменность. Как бы не перевернуть новость, – произнёс я, передавая газету Вогаку.

– Так, посмотрим, что здесь у нас, – генерал развернул газету, быстро пробежал колонки иероглифов и помотал головой. – Однако, господа, вот это новость!

Все присутствующие за столом замерли, ожидая продолжения.

– В порту Бомбея состоялась передача шести английских броненосцев типа «Канопус» и четырех броненосных крейсеров типа «Дрейк» Японской империи. Вчера вечером над английскими кораблями взвились флаги Страны восходящего солнца, а ночью они были атакованы на рейде небольшими миноносками, принадлежность которых к какому-то государству не установлена, но предположительно это были русские. Больше просто некому, – генерал усмехнулся. – Отличный аргумент для газеты!

– А какие результаты атаки?! – перебил генерала мичман Селезнёв и тут же, смутившись, покраснел. – Извините, ваше превосходительство!

– Да бог с вами, Семён Владимирович. А результаты просто потрясающие, господа. Британский или Японский флот потерял три броненосца типа «Канопус» и три броненосных крейсера типа «Дрейк». – Вогак замолчал, а потом с улыбкой продолжил: – Семён Владимирович, руку менять не будем. Разлейте-ка нам по бокалам коньяка. Такую новость надо отметить!

Несколько пришибленные озвученной информацией, все присутствующие за столом молча смотрели на то, как раскрасневшийся мичман наполняет бокалы.

– Ваше превосходительство, а потери среди миноносок есть? – нарушил я молчание.

Генерал вновь заскользил глазами по столбцам текста, и постепенно довольная улыбка исчезла с его лица.

– Пишут, что две миноноски потоплены, а одна была повреждена, но сумела вырваться с рейда, – тихо произнёс Вогак.

– Это, как и в Мозампо, вновь отличились ваши новейшие быстроходные торпедные катера, ваше превосходительство? – задал вопрос фрегаттен-капитан.

«Ни хрена себе, насколько этот барон Клейст в курсе про нашу торпедоносную вундервафлю. Термин "торпедные катера" используется в довольно-таки узком кругу. Течёт где-то, течёт! Официально – это малый миноносец проекта "Барракуда". Название такое было выбрано из-за того, что обычно барракуды подстерегают свою жертву в засаде, но довольно часто небольшими группами они нападают на косяки рыб, атакуя их на большой скорости, на ходу отхватывая куски плоти мощными челюстями. Символично так назвал... – Я мысленно покачал головой. – Надо будет Лаврова и Едрихина напрячь. Откуда-то информация по "Барракудам" к германцам ушла! Вернее всего, из Порт-Артура».

– Господин барон, в газете написано, что английские, точнее, уже японские корабли в порту Бомбея атаковали малые миноноски неизвестного государства, – Вокак обаятельно улыбнулся. – Насколько мне известно, в Порт-Артуре есть несколько малых миноносцев, но они предназначены для охраны береговой зоны и неспособны уходить далеко в море. Я не ошибаюсь, Константин Александрович?!

Этот полувопрос-полуутверждение был задан капитану второго ранга Панфёрову.

– Насколько я знаю, наши «Барракуды» имеют дальность хода не больше четырёхсот миль, да и волну держат слабо. Как они могли оказаться в порту Бомбея, даже представить себе не могу, – как можно честнее произнёс командир «Буракова».

Фрегаттен-капитан понимающе улыбнулся, а потом поднялся с бокалом в руке и произнёс:

– Выпьем за очередную победу русского флота! Хорошо, что у Германии есть такой союзник! Прозит!

* * *

– Приказываю к боевой операции приступить! – Кононов осмотрел стоящую перед ним в кают-компании восьмёрку боевых пловцов, которые должны были отправиться на задание. – Храни вас Господь, господа! Удачи вам всем!

– Служу Престолу и Отечеству! – дружно рявкнули офицеры и кондуктора.

На этом уже сложившаяся традиция последнего инструктажа и начала боевой операции завершилась, и боевые пловцы через сокрытый в полу люк начали спускаться из кают-компании в трюм. Для этого было необходимо, нажав небольшой рычаг, запустить механизм, отодвигающий в сторону роскошный буфет с посудой и напитками, за которым скрывался лаз и проходы к двум шлюзовым камерам.

Кононов, проводив бойцов и вернув буфет на место, по привычке повернулся к красному углу, где на российских кораблях располагался иконостас, мысленно чертыхнулся и помотал головой.

На «Олимпии» – судне Национального географического общества САСШ – православного углового иконостаса не могло быть по определению. Весь экипаж был проинструктирован, что при посторонних креститься надо слева направо, и в кают-компании теперь висело на стене только распятие.

«Олимпия», бывший «Марсель», прибыла в порт Бомбей ещё три дня назад и встала на внешнем рейде. Цель визита для местной таможни – закупка продуктов, ремонтные работы и отдых экипажа после длительного перехода.

«Рион» с шестью торпедными катерами на борту – всё-таки рискнули взять их по максимуму – дрейфовал в Аравийском море милях в пятидесяти от бухты Бомбей, ожидая приказа с «Олимпии».

При вылазке в город небольшой группой офицеров, прекрасно говорящих по-английски, установили, что два парохода со сменными японскими экипажами на английские броненосцы уже в порту, а прибытие английских кораблей ожидается со дня на день.

Какой же шок испытала вся команда «Олимпии», когда в бомбейскую бухту на следующий день вошли шесть английских броненосцев типа «Канопус» и четыре броненосных крейсера типа «Дрейк».

– Откуда их столько, Антон Алексеевич? – тихо спросил Кононова командир шхуны Палецкий.

– Сам не ожидал. По предварительным данным должны были прийти два броненосца типа «Маджестик», а тут их... – командир корабля и командир боевых пловцов стояли на полубаке шхуны и, рассматривая в бинокли постановку на якоря английских боевых кораблей, тихо обсуждали сложившуюся обстановку.

А она была отнюдь не радостной. С таким количеством противника встретиться не предполагал никто. По своей мощи пришедшая эскадра лишь чуть-чуть уступала нашей Тихоокеанской, включая все её оставшиеся на плаву корабли и в Порт-Артуре, и во Владивостоке.

– Что будем делать, господа? – задал вопрос Кононов, собрав вечером в кают-компании боевых пловцов. – Кораблей противника слишком много.

В помещении наступила тишина. Офицеры и кондуктора молча переглядывались между собой.

– Я думаю, надо подождать. Атаковать броненосцы и крейсера, когда они под английским флагом, – это открытое объявление войны Британии, – задумчиво произнёс Ризнич. – Мы же планировали, что англичане передадут два броненосца японцам и только после этого минировать их. Отряд торпедных катеров капитана второго ранга Колчака был нужен только для прикрытия наших действий. Здесь же пока не ясно, что англичане предпримут. Если они корабли передадут Японии вместе с экипажами-добровольцами и на них поднимут флаги Страны восходящего солнца, то надо атаковать в любом случае, иначе нашим будет тяжело воевать с такой армадой.

– Кто ещё выскажется? – задал вопрос Анатолий Алексеевич, когда его заместитель умолк, а желающих продолжить дискуссию больше не нашлось.

– Я согласен с Иваном Ивановичем, – произнёс кап-два Завойко.

– Я также согласен, – поддержал друга Миронов.

Остальные офицеры и кондуктора молча кивнули.

– Что же, господа, тогда ждём и изучаем, как англичане организуют боевое дежурство. Минировать будем только те корабли, над которыми поднимется флаг Японской империи, – подвёл итоги совещания Кононов.

Эти воспоминания пронесли в голове командира боевых пловцов, пока он поднимался на палубу шхуны.

Англичане передали сегодня все корабли Японской империи. Пять часов назад под торжественные марши, раздающиеся с флагманского броненосца «Вендженс», на всех английских броненосцах и крейсерах «Юнион Джек» был спущен, а его заменил флаг Японии.

До этого с берега на корабли были доставлены небольшие группы японских моряков. Видимо, два неполных экипажа, которые должны были довести до Японии два «Маджестика», поделили на десять кораблей. Но английские моряки на берег не сошли, все остались на борту.

Мало того, на флагмане остался развеяться штандарт главнокомандующего британского Средиземноморского флота адмирала Джона Арбетнота Фишера, знаменитого Джеки. Видимо, не удержался 1-й барон Фишер оф Кильверстоун, чтобы не попробовать свои силы в настоящем бою и утереть нос морским лордам, доказав, что главным условием победы в войне является полное уничтожение неприятельского флота в генеральном сражении линейных кораблей.

Поэтому броненосец «Вендженс» был выбран первой целью для минирования. Как инструктировал полковник Аленин-Зейский, флагман является приоритетной целью. На нём кроме командующего эскадрой находится его штаб из флагманских офицеров, и они составляют, можно сказать, «мозги и нервную систему» вражеского подразделения. Уничтожь их, и тело не будет знать, что делать.

С учётом расстановки англо-японских кораблей на рейде ещё целями для «Посейдонов» были выбраны броненосцы «Глори» и «Канопус», плюс броненосный крейсер «Гуд Хоуп».

Колчаку ушла шифротелеграмма с приказом только обозначить атаку торпедными катерами, появившись на рейде, так как противоминное дежурство англичане несли исправно и в дневное, и в ночное время. Поэтому реальная атака была бы просто самоубийственной против такого количества вражеской артиллерии.

Адмирал Фишер был действительно грамотным флотоводцем. Со слов Ермака, Кононов знал, что именно Джеки продавал строительство подводных лодок в Англии. Именно он разрабатывал меры противодействия атакам как надводным, так и подводным миноносцам. Поэтому расстановка кораблей на рейде позволяла англичанам вести огонь, прикрывая друг друга.

Кононов поднялся на полубак, посмотрел на небо, где висела россыпь звёзд, и перевёл взгляд на «Вендженс», который ушли минировать Ризнич и Белов.

* * *

«Да, ночное минирование – та ещё нервнотрёпка. Темнота чуть ли не полная. Всё, на что ты можешь надеяться под водой на глубине в десять саженей – это приборы “Посейдона” с фосфорной подсветкой. Идёшь по азимуту и отсчитываешь про себя время, прикидывая, сколько осталось до цели. Да ещё и силу течений надо учитывать. Лишь бы в противоминную сеть не влететь», – такие мысли крутились в голове кап-два Ризнича, когда он, изменив положение рулей, направил минодоставщик поближе к поверхности.

Через минуту Иван Иванович почувствовал, как его по баллону ребризера два раза стукнул напарник, сигнализируя «Стоп».

Ризнич тут же выключил двигатель минодоставщика. Чувству опасности Белова, или чуйке, цитируя Аленина-Зейского, Ризнич доверял полностью. Уже не раз и не два кап-два был обязан жизнью кондуктору.

Каково же было удивление Иван Ивановича, когда, почти потеряв скорость, нос «Посейдона» упёрся в противоминную сеть. Каким образом Кирилл смог почувствовать её приближение, Ризнич не мог себе объяснить абсолютно никак. Это было чем-то сверхъестественным. По его-то расчётам до цели оставалась ещё минута хода, и он собирался выключить двигатель через сорок секунд.

Медленная продувка балластной системы – и минодоставщик застыл в воде с нулевой плавучестью. Белов отсоединился от баллона с кислородом доставщика, перешёл на ребризера, надел ласты и направился к сети со специальными ножницами по металлу.

При планировании этой операции было учтено, что англичане используют усовершенствованные противоминные сети фирмы Bullvant, которые выставлялись всего лишь в пяти метрах от борта корабля в отличие от десяти-двенадцати, как это было раньше, поэтому было решено защиту прорезать. Слишком высока вероятность в полной темноте запутаться «Посейдоном» в этих сетях при подныривании. Тем более, как было известно из разведанных, на этих сетях использовали оцинкованный провод диаметром всего 1,8 миллиметра. Для спецножниц – это как бумага.

Отверстие прорезано, и началось мучение по установке трех мин практически в полной темноте, буквально на ощупь. Наконец-то эта адская работа закончена, развернув минодоставщик от сети, отцепив ласты, Ризнич и Белов взобрались на свою железную рыбину.

Иван Иванович отрегулировал плавучесть «Посейдона» и запустил двигатель. Потихоньку расстояние между боевыми пловцами и заминированным английским, или теперь уже японским, флагманом начало увеличиваться.

«Уже второй британский флагман минирую. Интересно, когда-нибудь я смогу об этом рассказать?» – успел довольно подумать Ризнич, когда за спиной вспыхнул огненный шар, и взрывная волна, гоня перед собой обрывки противоминной сети, догнала небольшой подводный доставщик, исковеркала его вместе с телами людей и помчалась дальше.

* * *

Когда рядом с кормой англо-японского флагмана раздался взрыв, Кононов несколько секунд простоял в каком-то столбняке, из которого его вывели корабельные ревуны боевых кораблей. На английской эскадре сыграли тревогу, по морской поверхности забежали лучи прожекторов, то и дело выхватывая из темноты силуэты судов. Через какое-то время лучи двух прожекторов скрестились на корме «Вендженса», которая значительно провалилась в воду.

– Что это было, Анатолий Алексеевич? – спросил Кононова командир шхуны Палецкий, когда тот решительным шагом зашёл в рубку, освещённую дежурным светильником в виде «летучей мыши».

Командир боевых пловцов достал часы, откинул крышку, рассмотрел циферблат, поднес его к лампе. Положив часы в карман, задумался, а потом произнёс:

– Вернее всего, Антон Сергеевич, неправильно сработал часовой механизм взрывателя одной из мин. По времени заряды должны взорваться через два часа пятьдесят минут. А тут рвануло через десять минут после установки взрывателя. Какая-то неисправность.

– А Ризнич и Белов?

Кононов снял панаму и перекрестился.

– Будем надеяться на лучшее. Пойду пловцов встречать, надеюсь, что все уцелели.

– А как же атака отряда Колчака?

– До неё ещё почти три часа. Подождём, посмотрим, что на рейде твориться будет. В атаку им соваться точно нельзя. Только мелькнуть, выпустить торпеды и исчезнуть. А дальше пускай гадают, кто и как потопил, почему противоминные сети не сработали!

* * *

Командир «Риона» капитан второго ранга Троян смотрел, как в предрассветных сумерках к кораблю на малом ходу подходит чудом державшийся на воде торпедный катер лейтенанта Вердеревского. На поверхности он оставался, наверное, только потому, что был сделан из дерева. Будь из железа, давно бы пошёл ко дну.

Десять минут назад на палубу подняли третий из вернувшихся относительно целыми катеров. Ждали только Вердеревского, надеясь, что он сможет дойти. Попытка найти в темноте, после того как его «Барракуда» вырвалась с рейда, не увенчалась успехом. Только короткие шифрограммы в одно слово «иду» говорили, что Роман Николаевич и его экипаж жив и следует к кораблю-матке.

А вот две «Барракуды» – лейтенанта барона Косинского и лейтенанта Бек-Джевагирова – уже никогда назад не вернуться. Их могилой стали воды бухты Бомбей. Особенно обидно, что на катере Косинского в этот рейд ушёл капитан второго ранга Колчак, чтобы на месте сориентироваться, как действовать.

Преждевременный взрыв одной из мин, да ещё под флагманом, ставил под угрозу раскрытия действия боевых пловцов, и их надо было прикрыть. Такое эффективное оружие должно появиться у наших противников как можно позже.

Вот и устроил Александр Васильевич самоубийственную атаку двумя волнами по три катера на два ближайших к выходу из бухты англо-японских броненосных крейсера. Из первой волны две «Барракуды» погибли, но прорвали торпедами противоминные сети, а вторая волна катеров выпустила по две торпеды с предельной дистанции, но и тех, что попали, хватило, чтобы пустить на дно «Левиафана» и «Дрейка». А остальные мины пловцов сработали надёжно и утопили броненосцы «Вендженс», «Глори» и «Канопус», плюс броненосный крейсер «Гуд Хоуп».

«Невероятная победа, но почему так на душе тошно», – подумал Троян, подходя к шторм-трапу, по которому на «Рион» уже поднимался экипаж последней уцелевшей «Барракуды».

Глава 2

Дипломатия

– Господа, вас не мучает дежавю? – Сидевший в кресле Георг V посмотрел на застывшего первого лорда Адмиралтейства графа Селборна, а потом перевёл взгляд на первого морского лорда адмирала Керра, стоявшего перед ним навтыяжку. – Кто будет докладывать о событиях в Бомбее?

– Позвольте мне, ваше королевское величество, – адмирал Керр склонил голову.

– Рассказывайте, лорд, – произнёс король, не предложив собеседникам сесть, что выдавало его сильнейшее раздражение.

– Вчера в бухте Бомбей совершилась официальная передача эскадры из шести броненосцев типа «Канопус» и четырёх броненосных крейсеров типа «Дрейк» Японской империи. Старшим от японцев выступил член их Тайного совета адмирал граф Кабаяма. Сегодня ночью в час десять по Бомбейскому времени случился подрыв кормовой части флагмана «Вендженс». По докладу в Адмиралтейство адмирала Фишера, который не покинул корабль и руководил его спасением, наиболее вероятным является атака подводной лодки противника, которая смогла зайти с кормы, не прикрытой противоминными сетями. По эскадре была объявлена боевая тревога. До четырёх ноль-ноль всё было спокойно, но потом последовали необъяснимые подрывы броненосцев «Вендженс», «Глори», «Канопус», броненосного крейсера «Гуд Хоуп» и атака русских миноносков на крейсера «Левиафан» и «Дрейк». Все шесть кораблей потоплены. Адмирал Фишер погиб. Также, по предварительным данным, погибло около трёхсот офицеров и четыре с половиной тысячи нижних чинов... – Керр сделал паузу, прервав свой монотонный доклад.

– Что значит необъяснимые подрывы, адмирал? – задал вопрос король.

– По пришедшему докладу, все четыре корабля получили повреждения корпуса тремя внешними взрывами, без предварительного разрушения противоминных сетей. Также никто не видел, чтобы эти корабли атаковали миноносцы, как это было с двумя нашими крейсерами, которые стояли ближе всего к выходу с рейда. Во время атаки на эти корабли русские потеряли три из шести быстроходных миноносков. При этом они нападали двумя волнами. Первые три миноносца пробиты сети, вторая тройка уже атаковала сами крейсера. А вот на первых четырёх кораблях такого нападения не наблюдалось, ваше королевское величество, – адмирал почтительно склонил голову.

– И какие выводы, лорд? – тон, которым был задан вопрос, просто сочился сарказмом.

– Их пока нет, ваше королевское величество. В Адмиралтействе не знают, как объяснить потери японцев под Мозампо и подрывы наших кораблей в бухте Бомбея. То, что это сделали не русские быстроходные миноносцы, можно говорить уверенно. Но тогда кто и как?! Пока ответа на это нет! Подводные миноносцы?! Не знаю! – последние фразы Керр произнёс, как выплюнул, что выражало его сильнейшее недовольство и взволнованность.

Те, кто хорошо знал адмирала, мог бы сказать, что первый морской лорд и начальник Военно-морского штаба адмирал флота лорд Керр находится в состоянии контролируемой ярости.

– Итак, мы потеряли четыре броненосца и три броненосных крейсера, не начав боевых действий. А первый морской лорд и первый лорд Адмиралтейства не могут объяснить, как это произошло!

– Три броненосца, ваше королевское величество, – тихим голосом перебил короля граф Селборн.

– Сэр Уильям, вы, видимо, забыли, что два года назад также от непонятных внешних взрывов у Мариехамны затонули броненосцы «Формидебл» и «Глори». Последний мы смогли поднять и отремонтировать, в отличие от флагмана Хоум Флита. Только недолго «Глори» походил по волнам, снова его подорвали, и он затонул. А на этот раз сколько кораблей мы сможем поднять и отремонтировать? – король обвёл жестким взглядом собеседников.

– Пока я не могу ответить на этот вопрос, ваше королевское величество. В самом порту Бомбея глубины небольшие, но корабли стояли на внешнем рейде. На обследование затонувших кораблей уйдёт какое-то время, и необходимо решить, кто этим будет заниматься. В настоящий момент в Бомбее есть только водолазы на оставшихся целыми боевых кораблях, переданных Японии, – бесстрастно произнёс Керр.

– Сколько времени займут эти работы? – поинтересовался Георг V.

– Не меньше двух недель, ваше королевское величество.

– Это слишком долго. Без наших кораблей русские могут за месяц закончить войну на море. Насколько мне известно, в Порт-Артур скоро прибудет адмирал Макаров, а тот является сторонником активных боевых действий. Тем более русские имеют значительный перевес в броненосцах, а их Владивостокский отряд крейсеров вновь готовится выйти к берегам Японии. Наши три броненосца и крейсер нужны императору Муцухито, можно сказать, как воздух, – король сделал паузу. – Кстати, адмирал Кабаяма жив?

– Да, ваше королевское величество, он находился на «Альбионе», который атаке русских не подвергся, – ответил Керр.

– Тогда передайте ему и старшему из наших оставшихся в живых офицеров, чтобы остатки эскадры шли в Японию. В Бомбей отправьте команду водолазов на двух-трёх легких крейсерах типа «Пелорус»... – Георг V замолчал.

– Слушаюсь, ваше королевское величество, – адмирал Керр склонил голову.

– И ещё, лорд Уолтер, делайте что хотите, но я должен знать, каким образом русские топят мои броненосцы и крейсера. Пока вы этого не выясните, я не могу отправить новые корабли в Тихий океан. Да и в Средиземном море и на Балтике наши brave моряки будут чувствовать себя беззащитными перед неизвестной опасностью. Мне известны слухи, которые ходят на моём флоте из-за покойного старшины Хэнка, который перед смертью заявил, что «Формидебл» потопил морской дьявол. Так что, адмирал, найдите мне этого дьявола!

Керр вновь молча склонил голову.

– Вас это, граф, также касается! – король, повысив голос, посмотрел на первого лорда Адмиралтейства.

Граф Селборн повторил жест адмирала, уставившись в пол.

– И ещё, подумайте, как подать в газеты атаку русскими наших, точнее, японских кораблей в нейтральном порту. Привлеките для этого специалистов из МИДа. Пускай и люди маркиза Лансдауна¹ поработают... – Дождавшись, когда два лорда вновь склонят головы, король продолжил: – С этим вопросом закончили. Какие ещё новости есть?

– Есть, ваше королевское величество, и они также нерадостные, – произнёс 2-й граф Селборн. – Русские крейсера-пароходы «Петербург» и «Херсон», имея документы на груз угля, провизии и артиллерии для Владивостока, миновали под флагом Добровольного флота турецкие проливы и Суэцкий канал, а войдя в Красное море, установили орудия и, подняв военноморской флаг, приступили к рейдерству. Как сообщили из нашей миссии в Асмэра, эти русские крейсера сейчас стоят в итальянском порту Массауа с тремя захваченными с военной контрабандой грузовыми пароходами. Два из них принадлежат нашим акционерам.

¹ *Гебри Чарльз Кит Петти-Фицморис, 5-й маркиз Лансдаун* сменил на посту министра иностранных дел маркиза Солсбери, убитого во время лондонских событий с участием Ермака в 1901 году.

– Проклятье! – Георг V с раздражением ударил кулаком по колену. – Только этого не хватало. Они что, решили перекрыть Красное море для грузов в Японию?! Это же катастрофа! Сколько там таких рейдеров русских?

– Пока два. Но месяц назад через Суэц прошёл «Смоленск» из этой же серии крейсеров-пароходов. И по консаменту на его борту находились шесть паровых катеров, по описанию похожих на эти дьявольски быстроходные миноноски, – ответил вместо графа адмирал Керр.

– Надеюсь, на «Петербурге» и «Херсоне» этих миноносок не было? – От ставшего красным, как буряк, лица короля можно было прикуривать.

– Выясняем, ваше королевское величество. По предварительным сведениям – не было, – ответил сэр Уильям.

– Граф, как скоро эта информация дойдёт до Лондонской биржи?

– Думаю, она уже дошла, – осторожно ответил Селборн.

Георг V задумался. Два лорда стояли перед ним, не смея прервать затянувшееся молчание.

– Почему русские корабли с добычей стоят в итальянском порту? – наконец-то произнёс король, ни к кому не обращаясь.

– Ваше королевское величество, русские заключили с германцами оборонительный союз, а у кайзера союз с Австро-Венгрией и Итальянским королевством. После того как был ратифицирован Гогландский русско-германский союз, Виктор Эммануил Третий отказался буквально на последнем этапе переговоров подписать соглашение с Францией о соблюдении Италией нейтралитета в случае нападения на республику Германского рейха, – закончив фразу, граф замолчал.

Георг вновь задумался. Секунд через десять он встал с кресла, взяв со стола колокольчик, позвонил. Буквально моментально открылась дверь в кабинет, и на пороге возник личный секретарь короля.

– Сэр Джон, позовите в кабинет маркиза Лансдауна, он должен дожидаться аудиенции.

Когда за секретарём закрылась дверь, король повернулся к своим собеседникам.

– Садитесь, господа, нам предстоит долгий разговор. Надо решить, что делать в сложившейся ситуации. Мне бы очень не хотелось оказаться лицом к лицу с такой проблемой, как Тройственный союз с присоединившейся к нему Российской империей.

* * *

Адмирал Того стоял на ходовом мостике броненосного крейсера «Якумо», и мысли его летали далеко. Две новости, пришедшие в депешах сегодня, заставляли его с большим трудом удерживать маску спокойствия и безразличия на лице.

В среде японских моряков адмирал получил неформальное имя «Спящий огонь». Командующий Объединённым флотом Японской империи как никто иной умел держать себя в руках, но все офицеры, близко знавшие Хайхатино, были уверены в огне воинской страсти, кипящем в его груди.

Именно он сейчас и бурлил в душе адмирала, получившего утром телеграмму о разгроме англо-японской эскадры в бухте Бомбея. Япония и он лично потеряли три броненосца и три броненосных крейсера, над которыми флаг Страны восходящего солнца развевался меньше суток. А он так надеялся на эти корабли, которые должны были восстановить его честь и честь империи.

Разгром под Мозампо и Чемульпо отрядов Объединённого флота, бой главных сил в Жёлтом море, результат которого можно было бы назвать ничьей, потеря инициативы и невозможность в сложившейся ситуации осуществить переброску основных войск в Корею заставили

Того написать письмо императору с просьбой разрешить ему, как командующему проигравшего флота, совершить сепукку.

Хайхатино хотел уйти из жизни с честью, как это сделал контр-адмирал Катаока Ситиро. Его предсмертное стихотворение – дзисэй – разошлось по Объединённому флоту, и многие офицеры и нижние чины часто повторяли его, наслаждаясь краткостью, красотой и гармонией.

«Замираю от блеска стали! Мой покой – покой океана в ожидании волн», – всплыли в мыслях адмирала строки дзисэй Ситиро-куна.

Божественный Муцухито в телеграмме, которая пришла сегодня в обед, запретил делать Того харакири, пока император не умрёт, а адмирал уже и своё дзисэй придумал:

И победитель, и побеждённый
В игральнице этого мира —
Не больше, чем капля росы,
Не дольше проблеска молнии.

Адмиралу вспомнилось, как в семнадцать лет он стал свидетелем обстрела порта Симосеки с кораблей объединённой англо-американо-французской эскадры. Именно тогда молодой Хайхатино увидел, как утверждается право сильного, и понял, что тот, кто силен на море, тот становится сильным и на земле.

Поэтому нет ничего удивительного, что в двадцать лет он поступил на службу в морскую контору, открытую на острове Кюсю кланом Сацума. А еще через два года, в 1869 году, став к этому времени уже моряком, он принял участие в бою с мятежным кораблем клана Токугава на корабле «Касуга».

Удерживая на лице безмятежную маску, адмирал с улыбкой внутри вспомнил, как он волновался, сдавая экзамены в 1871 году в Токийское морское училище, и с гордостью, что его и ещё одиннадцать лучших в учёбе через два года отправили в Англию, где он провёл целых семь лет.

Он учился в Кембридже, изучая математику, морское дело в Портсмуте и Гринвиче, прошёл отличную морскую практику во время кругосветного плавания на корабле «Хэмпшир», наблюдал за постройкой броненосца «Фусо» на верфи в Гринвиче. На родину в 1879 году он вернулся на борту новенького корабля «Хиэй».

А дальше, после такой учебы, начался быстрый карьерный рост. Уже в 1880 году Того получает звание капитан-лейтенанта, через семь лет он капитан 1-го ранга. Накануне японо-китайской войны Хайхатино стал командиром крейсера «Нанива», одного из самых новых кораблей японского флота. Именно командуя этим кораблем, Того стал известен не только в Японии, но и по всему миру, сделав первый выстрел во время японо-китайской войны по китайскому крейсеру «Цзюань» и потопив британский пароход «Коушинг», зафрахтованный китайским правительством для перевозки войск в Корею.

Затем Того отличился в известном сражении при реке Ялу, где «летучая эскадра» Цубои, включая и «Нанива», уже в самом начале боя смогла охватить правый фланг китайского флота и вынудить китайские крейсера «Янвей» и «Чаоюн» выброситься на берег.

После этого боя китайский флот уже больше не дерзал выходить в море и оставался в Вейхайвее, который японцы сначала блокировали, а затем осадили. Крейсер «Нанива» активно участвовал во всех этих действиях против китайцев, так что по окончании войны Того получил свое первое адмиральское звание.

В 1896 году он был назначен начальником высшей военно-морской школы, а два года спустя произведен в чин вице-адмирала. Год назад Хайхатино стал командующим Объединённого флота Японской империи, и ему Божественным Муцухито была поставлена задача – выиграть у русских войну на море.

Вместо этого Того практически проиграл её. Если в поражении в сражениях при Мозампо и Чемульпо можно было бы обвинить адмиралов Катаоку и Камимуру, то главную битву в Жёлтом море проиграл он. А как тогда всё в начале сражения складывалось удачно.

Его эскадра, состоящая из новейших броненосцев и броненосных кораблей, пересеклась с русской эскадрой под командованием адмирала Скрыдлова. Русских было больше, но они значительно проигрывали в скорости, и Того рискнул. Завернув петлю, Хайхатино направил свою линию кораблей так, чтобы поставить «палочку на Т» над колонной русских кораблей, перед этим, подражая своему кумиру адмиралу Нельсону, поднял над «Микасой» сигнальные флаги: «Судьба Империи зависит от этого сражения. Пусть каждый исполнит свой долг!»

Говорят, что Горацио перед Трафальгарской битвой приказал поднять сигнал: «Англия надеется, что каждый исполнит свой долг!» Пишут, будто английские офицеры обиделись и передали Нельсону, что сумеют умереть за свою страну без напоминаний.

Того изменил сигнал с учётом японского менталитета и этим настолько воодушевил команды кораблей, что комендоры развили предельную для своих орудий скорострельность и буквально засыпали русские корабли своими снарядами.

Поднимая дух своих воинов, он в парадном мундире и при родовом мече провел весь бой не в бронированной рубке, а на верхнем мостике броненосца «Микаса». Осколками разорвавшегося под мостиком 305-миллиметрового снаряда было ранено и убито семнадцать человек, но ни один из вестников смерти адмирала не задел.

Однако одного воодушевления и силы духа оказалось мало. Адмирал Скрыдлов переиграл Того. Он сломал линию своих кораблей и направил новейшие броненосцы и крейсера отдельной колонной, которая разрешила петлю, после чего там началась «собачья свалка», которую русские выиграли. Видимо, не один Хайхатино изучал действия Нельсона в Трафальгарской битве.

Так после трёх морских битв Япония осталась практически без флота. Если бы не контр-адмирал Витгефт, который, приняв у раненого Скрыдлова командование над русской эскадрой, запер все корабли в Порт-Артуре, а не пришёл добивать остатки японских кораблей в Сасебо, то, возможно, война бы уже закончилась.

Эта ошибка русского адмирала позволила Того, собравшему чуть ли не все истребители и миноносцы, способные дойти до Порт-Артура, а также пароходы-брандеры, с помощью пары из них запереть выход с внутреннего рейда Артура. А прорвавшиеся в порт три миноносца окончательно потопили «Петропавловск» и сильно повредили броненосец «Полтава».

Та безумная атака позволила заблокировать русские броненосные корабли на внутреннем рейде, и вот уже две недели славные воины Страны восходящего солнца развивают полученный успех, пытаясь перехватить инициативу.

На острове Нань-сань-шань-дао в бухте Да-лянь-вань, недалеко от русского города Дальнего, создали временную базу для истребителей и миноносцев, где они могут заправиться, пополнить запас мин, продовольствия, сделать небольшой ремонт. Благодаря этому удаётся чуть ли не каждую ночь заваливать внешний рейд Порт-Артура минами, практически не теряя при этом корабли.

На рейде Мозампо за это время начали ремонт «Мацусимы» и «Акицусимы». Если всё сложится удачно, то в ближайшее время можно будет перетащить эти корабли до военно-морской базы в Такесики и там продолжить восстановление двух бронепалубных крейсеров.

Если же Великая Аматаэрасу будет благосклонной, то и от Чемульпо можно будет перевести в Такесики или в Сасебо броненосный крейсер «Асама» и крейсера второго ранга «Такачихо» с «Акаси», которые удалось уже поставить на понтоны, начиная подготовку для морского перехода.

Того победно усмехнулся про себя. Да, он написал письмо с просьбой совершить сепукку и сделал бы её с радостью. Тем не менее, чтобы восстановить свою честь, им было много сде-

лано после боя в Жёлтом море. Возможно, это и не позволило политическим противникам сместить его с занимаемой должности, а император не дал разрешение на хакари.

Жалко того, что случилось в бухте Бомбея. Потеря трёх броненосцев и трёх броненосных крейсеров – это потеря победы, которая уже, можно сказать, была в руках. Такого количества кораблей, которые Британия передала Японии, да ещё вместе с экипажами, не ожидал никто.

Император и правительство Японии не могли поверить в эту новость, когда посол из Англии прислал шифрованную телеграмму. До этого смогли договориться только о четырёх броненосцах типа «Маджестик» без экипажей, и то в два этапа. Под это американцы дали ещё денег в кредит. И тут такой подарок судьбы, особенно после отчаяния поражений и потери боеспособного флота.

Император Муцухито и правительство пошли на закупку десяти кораблей, буквально выскребая все финансовые запасы и попадая в ещё большую зависимость перед Великобританией и САСШ.

«Ничего, главное выиграть войну, получить под свой протекторат Корею. А получив контрибуцию с Российской империи, и с кредиторами расплатимся», – подумал Того, глядя на то, как в устье Ялу втягиваются транспорты с пехотой и артиллерией Шестой Кумамотской дивизии, направляясь к небольшому городку Ёйджу.

* * *

– Устал, дорогой?! – императрица Елена Филипповна, подойдя к сидящему за письменным столом мужу, зашла ему за спину и, положив ладони на голову императора, начала её легко поглаживать пальцами.

Николай, взяв в руку левую ладонь жены, припал к ней губами.

– Ты сегодня задержался. Дети не дождалась, заснули. Много работы? – спросила императрица, продолжая одной рукой гладить голову мужа.

– Кучу бумаг на подпись принесли. Проект от Столыпина и Струве по земельному вопросу. Фредерикс – отчёт за полугодие по удельным округам. От Куропаткина папку доставили. Наш военный министр, с учётом успехов на море, уже разработал операцию по высадке наших войск в Японию, – император показал на приличную стопку бумаг и папок с правой стороны от себя. – Это только важная часть сегодняшней вечерней почты, не считая всякой ерунды, которая, оказывается, должна обязательно быть рассмотрена мною.

Николай, закончив говорить, вновь припал губами к руке супруги.

– Ты даже не представляешь, как мне в этом бумажном бедламе, возникшем с начала войны с Японией, не хватает Ермака. Нет, его аналитики продолжают работать, как работали. Мои секретари и кабинет также выполняют свои обязанности. Но вот подачи документов в той системе, когда проблемы рассматриваются и решаются последовательно, не заставляя метаться из стороны в сторону, такого, к сожалению, как он уехал, нет... – Николай тяжело вздохнул. – Я только при отъезде моего флигель-адъютанта Аленина-Зейского понял, как мне недостаёт его присутствия рядом.

– Так отзови его назад, тем более он и сына ещё практически не видел, то на службе сутками, то в отъезде на край земли, да и тесть его ранен. Боткин пока ещё не даёт гарантий на выздоровление. Аркадий Семёнович уже две недели между жизнью и смертью находится. Мария Аркадьевна и Нина Викторовна места себе не находят! – Елена Филипповна мягко освободила ладонь и уже обеими руками начала массировать пальцами макушку императора.

– Ох, Леночка, радость моя, я бы с удовольствием. Но секретную часть переговоров с Юань Шикаем не могу доверить никому, кроме Тимофея. Наш посланник в Пекине Лессар Павел Михайлович хороший дипломат, но плохой интриган. У него, как у максималиста, есть два цвета – белый и чёрный. Даже не представляю, как он смог в МИДе карьеру сделать. Гене-

рал-майор Вогак – тот похитрее да поопытнее. Его надо было посланником ставить, но это ещё исправить можно, – Николай замолчал, задумавшись.

Императрица, воспользовавшись паузой, усилила массаж.

– Вот встретится Тимофей с этим Шикаем – и домой. Он мне здесь нужен. Хватит с него приключений.

Пальцы императрицы застыли.

– Это какие приключения, дорогой? Я чего-то не знаю?

– Да... – начал император, но супруга перебила его.

– Про так называемые приключения твоего адъютанта во Владивостоке, когда его чуть не убили японские шпионы, я уже слышала. Значит, что ещё произошло?! – спросила, словно вынесла судебное решение, императрица. – Говори, а не то...

Елена шутливо опустила ладони на шею мужа, который пытался развернуться на стуле, чтобы посмотреть в лицо супруге.

– Понимаешь, дорогая, самый быстрый миноносец «Лейтенант Бураков», на котором Аленин добирался вместе с генералом Вогаком из Порт-Артура до Тонгу, был вынужден вступить в бой с тремя японскими миноносцами. Один из них наши моряки потопили, но если бы не германский крейсер, который встал на защиту «Буракова», то тот, вернее всего, был бы потоплен. А Ермак никогда бы не сдался в плен врагу, – русский император перехватил руку жены и вновь её поцеловал. – А до этого на поезд, в котором они возвращались из Харбина, напали хунгузы. Константин Ипполитович был ранен. Это я про генерала Вогака.

– Да-а-а! Зная хорошо твоего бывшего телохранителя и начальника «ангелов смерти», я почему-то не удивлена такими приключениями Тимофея Васильевича. Отзывай его быстрее, пока он куда-нибудь ещё не попал, как кур в ощи́п. Я правильно эту поговорку произнесла? – последние слова императрица произнесла на ухо Николаю, после чего поцеловала мужа в щёку.

– Это тебя Мария Аркадьевна попросила поговорить о Тимофее Васильевиче? – довольно улыбаясь, поинтересовался император.

– Нет, Ники, просто мне самой как-то спокойней, когда он в Гатчине находится. После того покушения, когда погиб Михаил Хохлов, я до сих пор чувствую себя как-то...

Императрица замолчала и, крепко обняв мужа за плечи, прижалась к нему, словно ища защиту.

– Леночка, я сделаю всё, чтобы защитить тебя и детей, – Николай, разомкнув руки жены, встал и, развернувшись, нежно обнял супругу.

Та спрятала голову у него на груди и несколько раз всхлипнула.

– Если понадобится, я пошлю в Англию Ермака и его головорезов. Они от Букингемского дворца и Лондона камня на камне не оставят. Георг и так уже зашёл слишком далеко. Его передача десяти кораблей вместе с экипажами Японии вызвала в Европе нездоровый политический ажиотаж. Поэтому его обвинения через прессу о дикости русских, которые топят корабли противника в нейтральном и мирном порту, европейские государства оставили без внимания, не считая прикормленных британцами газет, да в САСШ истерию по этому поводу подняли в основном евреи во главе с Джейкобом Шиффом. Зато Ламсдорф прислал сообщения, что к нему на завтра на приём напросились послы Итальянского королевства и Австро-Венгрии, – успокаивающим тоном говорил император, поглаживая жену по спине. – Так что, глядишь, Тройственный союз превратится в Четверной союз, и тогда Британскому флоту не выстоять против объединённого флота четырёх государств.

– Насколько я понимаю, головорезы Ермака не только дворцы разрушать могут, но и корабли топить?! – Елена, оторвав голову от груди мужа, улыбнулась сквозь слёзы.

– У него очень разносторонне развитые головорезы, моя дорогая. Не знаю, как их и награждать буду из-за соблюдения секретности. Нельзя, чтобы такое оружие к противнику

попало в этой войне. Нам надо выстоять! Если придётся – и в гордом одиночестве! Но! Надеюсь, союзники нас не покинут и не ударят в спину.

– Поэтому тебе так важны предварительные переговоры с этим заговорщиком в Китае? – Императрица отстранилась от мужа и вытерла глаза платком, как по волшебству появившимся в её руке.

– Из Китая союзник сейчас никакой, наоборот – один вред идёт от его населения, участвовавшего в восстании боксёров. Их банды до сих пор терроризируют КВЖД, нападая на поезда и повреждая пути. Императрица Ци Си будто бы и забыла о нашем союзном договоре и, слава богу, не даёт повода Британии открыто вступить в войну на стороне Японии. А вот как поведёт себя Юань Шикай, когда захватит власть в империи, мне хотелось бы знать. И лучший человек для этой миссии – Ермак. Поэтому он там сейчас.

Глава 3

Переговоры

Я шёл за генералом Вогаком по зданию русской дипмиссии в Тяньцзине и наслаждался чувством чистоты души и тела.

Вчера, прибыв на поезде в город ближе к вечеру, мы направились к Константину Ипполитовичу, дом которого располагался на окраине улицы Московской в русской концессии города, занимавшей довольно обширное пространство по левой стороне реки Байхэ. На этом берегу реки она граничила с Итальянской и Бельгийской концессиями, а напротив, по другую сторону реки, располагались Японская, Французская, Британская и бывшая Германская.

Русская концессия была густо застроена в районе вокзала, далее же, вниз по реке Байхэ, строения становились редкими, и этот район принимал характер дачной местности. Здесь, на берегу реки, и стоял небольшой дом военного агента, выполненный в китайском стиле. Только вот во дворе имелась самая настоящая русская баня, топившаяся по-белому, и небольшой, под крышей, прудик-бассейн, в который можно было окунуться после парной.

В общем, я оторвался по полной. Последний раз такое удовольствие получал почти два месяца назад, когда заезжал в родную станицу. Но здесь всё было цивилизованнее, что ли, или изысканнее. Вогак только ополоснулся, после чего попал в заботливые руки местной домоправительницы – симпатичной китайки лет двадцати, а я дальше парился один, пока не выдохся после четвёртого захода.

Потом был ужин, а утром я в чистой, отутюженной форме при всех орденах вместе с Константином Ипполитовичем посетил Русский парк, где была братская могила русских солдат, погибших при взятии Тяньцзиня, а также другие захоронения русских воинов и просто подданных Российской империи. Отметил про себя, что охрану парка надо усилить, так на некоторых могилах были видны следы свежего вандализма, о чём ещё на миноносце говорил генерал.

Зашли и поставили свечи в небольшую часовню рядом с братской могилой, а потом проехали на рикше в Британскую концессию, где зажгли свечи перед тремя мемориальными бронзовыми досками в честь погибших во время подавления боксёрского восстания русских солдат и моряков.

Мои глаза долго скользили по фамилиям погибших из 16-го, 12-го и 2-го Восточно-Сибирских стрелковых полков, 1-го Верхнеудинского и 1-го Читинского Забайкальских казачьих полков, моряков крейсеров «Россия», «Дмитрий Донской», «Наварин», канонерских лодок «Кореец», «Манджур», «Сивуч» и «Гиляк».

Сделав эти необходимые для русской души действия, с какой-то внутренней просветлённостью направились в дипмиссию, где располагалось рабочее место генерала Вогака.

И вот мы в его кабинете. Я уселся на предложенный стул, а Константин Ипполитович полез в сейф за своими бумагами. Оглянувшись по сторонам, попытался впитать в себя атмосферу этого кабинета, чтобы лучше понять Вогака как личность.

За эти две недели, что мы тесно общались, у меня сложилось о генерале положительное мнение. Одиннадцать лет служит военным агентом в Китае и Японии. Прекрасные знания китайского, корейского, японского, не считая четырёх европейских языков. Обаятельный, общительный с искромётным юмором, смелый, решительный и профессионал своего дела. Об этом говорят звание генерал-майора, ордена Владимира, Анны и Станислава 3-й степени, а также девять зарубежных орденов, из них японский орден Священного сокровища 3-й степени, японский орден Восходящего солнца 3-й степени, командорский крест Аннамского ордена дракона, китайский орден Двойного дракона 2-го класса 3-й степени.

Посланник и полномочный министр в Пекине действительный статский советник Павел Михайлович Лессар, сменивший в сентябре 1901 года Гирса, был сугубо штатским человеком и противником конфронтации с Японией. Все вопросы хотел решать мирным путём, несмотря на то что был ярко выраженным максималистом в политических вопросах. Его последние доклады об обстановке в Китае после начала войны с Японией были паническими и без какой-то конкретики.

Вогак же, насколько я понял из его обмолвок, сумел создать личную разведсеть, состоящую в основном из служащих купца первой гильдии Алексея Дмитриевича Старцева, который был, по слухам, незаконнорожденным сыном декабриста Николая Александровича Бестужева – автора проекта «Манифест к русскому народу». Кроме того, именно капитан-лейтенант Бестужев вывел на Сенатскую площадь Гвардейский экипаж и, возьми тогда командование всеми восставшими на себя, вполне мог бы стать диктатором Российской империи.

Его же внебрачный сын считался самым богатым человеком в Тяньцзине, где имел сорок каменных домов, из них две трети доходных. Именно он подарил Британской концессии землю, на которой был разбит огромный парк королевы Виктории, а в своём парке в своё время построил первую в Китае демонстрационную железную дорогу длиной в две мили и телеграф, начав тем самым железнодорожный бум в Империи Цин.

Константин Ипполитович был другом семьи Старцева и даже пытался ухаживать за младшей дочерью купца-миллионера Евдокией, которой в этом году стукнуло уже двадцать пять, но она до сих пор не вышла замуж, ухаживая за больным отцом.

Шесть лет назад Старцев с семьёй уехал во Владивосток и уже оттуда руководил своей огромной коммерческой империей в Китае. Во время боксёрского восстания и штурма Тяньцзиня городу были нанесены большие разрушения. Сильно пострадали и дома, принадлежавшие Старцеву, в том числе здание, где хранилась его знаменитая коллекция предметов буддийского культа.

В свое время парижский Лувр предлагал купить её за три миллиона франков, фантастическую по тем временам сумму, но Алексей Дмитриевич только пожал плечами и сказал: «Нет на свете денег, за которые я бы смог продать свою коллекцию».

Когда весть об её уничтожении дошла до Алексея Дмитриевича, того, как здесь говорят, разбил паралич, а, вернее всего, инсульт стукнул, обездвижив левую сторону. Дела в Китае перешли к старшему управляющему, с которым Вогак давно был в дружеских отношениях. Постепенно целая армия приказчиков, продавцов, управляющих домов и прочих служащих торговой империи Старцева начала выполнять различные поручения военного агента.

Кроме этого ресурса, на Вогака работали и китайцы, ставшие жертвами чиновников императрицы Цы Си и японцев во время японо-китайской войны. Как мне удалось узнать, ту же свою домоправительницу Вогак подобрал голодной, грязной, обвшивившей двенадцатилетней сиротой во время тех боевых действий. Точнее, она забралась к нему в сад, чтобы сорвать фрукты, а он её случайно застал за этим и поймал.

Вместо того чтобы отдать её в руки местного правосудия, Вогак оставил Джу Ли при себе воспитанницей. Дал ей образование, приобщил к управлению своего домашнего хозяйства. Теперь она у него домоправительница, а также основной источник всех сплетен и слухов с рынков Тяньцзиня.

Я при разговоре с Константином Ипполитовичем как бы в шутку упомянул, что самой первой «медовой ловушкой» была Далила для Самсона. Но тот лишь усмехнулся и ответил, что его орхидея, а так переводится имя Джу, для него скорее дочь Лота, а не Далила.

Мои размышления прервал генерал, положив передо мной три папки.

– Вот, ознакомьтесь, Тимофей Васильевич, здесь краткие сведения и характеристики людей из ближайшего окружения императрицы, императора и Юань Шикая.

Я начал листать материалы. О многом генерал мне уже поведал благодаря своей феноменальной памяти, но всё равно читать строки, в которых кратко, но ёмко давалась информация о верхушке Империи Цин, было интересно. Особое внимание уделил, возможно, будущему китайскому диктатору. Мне нужно было понять, почему военные решили сместить императрицу и хватит ли у них на это решимости. Да и с императором-узником что они делать будут?!

Про вероятные направления международной политики нового правительства также можно было только гадать. Даже Вогак с учётом того, что он долго варился в этой дворцовой кухне, выдал с десяток возможных действий Юань Шикая.

Чем больше анализировал полученную информацию, тем больше у меня складывалось мнение, что всё дело в сильном влиянии англичан на великого князя Чуня Цзай Фэна, который начал набирать силу при императрице Цы Си, можно сказать, потихоньку беря управление двором и империей на себя, собирая вокруг себя молодую маньчжурскую аристократию.

Этот двадцатилетний юноша доводится по отцу младшим братом императору Гуан Сюй. Его поездка с извинениями в Германию и встреча с Вильгельмом II сделали его популярной личностью в европейских, британской и штатовской концессиях.

Цы Си была удовлетворена тем, как он справился со своей миссией, и в следующем году он был назначен на ряд важных постов в Пекине. Однако при этом Цы Си не нравилось то, что Цзай Фэну симпатизируют иностранные державы, и, чтобы устранить потенциальную угрозу, она женила его на Юлань – дочери маньчжурского генерала Жунлу, который был в весьма близких отношениях с Цы Си. Этот брак должен был привязать Цзай Фэна к Цы Си.

Судя по всему, данная привязка состоялась, но при этом молодой великий князь Чунь не мог простить Юань Шикаю его предательство в отношении своего брата – императора Гуан Сюй во время кровавого завершения «Ста дней реформ».

Его чувства к генералу нашли живой отклик у императрицы, так как Юань Шикай с военной кликой пытался всё больше и больше прибрать власть к своим рукам. А тут ещё смерть в апреле этого года личного охранника и любовника императрицы генерала Жунлу, которая сильно ослабила влияние Цы Си на армию.

В общем, всё складывалось один к одному. Либо военная клика берёт власть в свои руки, либо её придавит императрица Цы Си вместе со своим новым политическим фаворитом, пользующимся поддержкой иностранных держав, особенно со стороны Британии.

По данным Вогака, из Лондона в Пекин срочно вернулся из недогулянного отпуска чрезвычайный посланник и полномочный министр Великобритании в императорском Китае сэр Эрнест Мейсон Сатоу. Да не один, а с поверенным в делах сэром Уолтером Бопре Таунли. Старый зубр дипломатии и молодой представитель предполагаемой английской разведки усиленно начали обрабатывать Цзай Фэна и императрицу, обвиняя Юань Шикая в прорусских убеждениях и в возможности дворцового переворота силами военных.

– Что скажете, Тимофей Васильевич?

– Великий князь Чунь, – ответил я и замолчал.

Вогак с удивлением посмотрел на меня, хмыкнул и впал в задумчивость. Секунд через сорок он тихо произнёс:

– Возможно, вы и правы. Цзай Фэн очень быстро набирает вес при дворе. А о его отношении к Юань Шикаю не знает разве глухой... – Генерал замолчал, его взгляд застыл, а потом он внезапно произнёс: – А сегодня первенцу Цзай Фэна исполняется три дня. И он может стать наследником престола, заменив на престоле императора Цзай Тяня, то есть Гуан Сюй. Поэтому на этом празднике будет присутствовать императорский род и вся верхушка маньчжурской аристократии: представители фамилий Цзай, Те, Лян, Шань и многие другие. Очень удобный момент, чтобы решить вопрос одним ударом.

Живя рядом с китайцами, я знал, что для них наиболее важными датами являются три дня с рождения ребенка, месяц и сто дней. По традициям, через три дня после появления

на свет ребенок получает «право на жизнь». Спустя месяц с рождения малыша происходит традиционное празднование, где едят крашенные в красный цвет яйца, сваренные вкрутую.

Не знаю, как в императорской семье, но в обычной через сто дней после появления на свет семья вместе с ребенком идет к гадалке, чтобы та предсказала судьбу маленького человека, рассказала, что ждет его в жизни. Там же детям-мальчикам в этот день прокалывают ухо, чтобы злые духи подумали, что это девочка, и не обращали на ребенка внимания. Это делают, поскольку рождение мальчика в Китае считается большим счастьем, его берегут от нечисти и остерегаются духов.

Пока я эту информацию прокрутил в голове, Вогак закончил фразу:

– Юань Шикай ещё три дня назад убыл в Пекин, как только узнал о рождении сына у Цзай Фэна. А вчера в столицу империи из Тяньцзиня ушло два состава с пехотой и артиллерией.

В этот момент дверь в кабинет открылась, и на пороге застыл молодой человек в партикулярном платье, который скороговоркой произнёс:

– Ваше превосходительство, из Пекина от посланника и полномочного министра Лессара пришла депеша. В Запретном городе идёт бой.

– Значит, началось. Подождём, чем всё закончится. Надеюсь, Павел Михайлович не забудет сообщать нам новости, – задумчиво произнёс Вогак.

* * *

– Я рад, что именно вы, господин полковник, являетесь личным представителем императора Российской империи, – вежливо на отличном английском произнёс Юань Шикай, склонившись, сидя в кресле, в легком поклоне.

Я и генерал сидели за столом для чайной церемонии в одном из помещений второго этажа Мраморной ладьи – озёрного павильона пекинского Летнего дворца, также известного как Корабль Чистоты и Мира. Насколько я успел узнать у Лессара, дворцовый комплекс Запретного города вновь подвергся значительным разрушениям.

Не везёт в последнее время этому комплексу. Во время Второй опиумной войны сорок три года назад англо-французские войска овладели Запретным городом и оккупировали его до конца войны, основательно разграбив и разрушив.

Три года назад во время боксёрского восстания императрица Цы Си бежала из Запретного города, оставив его союзным войскам восьми держав, которые его вновь обчистили и порушили. Надо отметить, что наши войска в этом участвовали недолго, так как были выведены из Пекина. Цы Си со своим двором вернулась во дворец лишь год назад.

А теперь ещё и военный переворот. А всем известно, что свой своего режет с куда большим удовольствием и азартом. Достаточно вспомнить княжеские междоусобицы на Руси. А здесь ханьцы и маньчжуры.

Не хочется мне даже представлять, что сейчас в Запретном городе творится. Хотя с момента переворота прошло уже три дня, но у кого сейчас реальная власть, не знает никто. Каких-либо заявлений перед общественностью с китайской стороны до сих пор не было. Все входы и выходы в иностранные концессии в Пекине были блокированы большими подразделениями китайских войск в форме Бэйянской армии. Делалось это якобы для охраны иностранных граждан, а в самом городе введено что-то типа военного положения.

И вот в таких условиях вероятный диктатор Китая – генерал Юань – принял меня для приватной аудиенции.

– Благодарю вас, ваше превосходительство, – искренне ответил я и также склонился, сидя, в ответном поклоне.

– Итак, хочу довести до вас, что в результате волнений в Запретном городе вдовствующая императрица Цы Си, великий князь Чунь, всё его семейство и многие другие приближённые к

трону не пережили их. Завтра будет объявлено, что вся полнота власти вновь перешла в руки императора Цзай Тяня, который продолжит править под лозунгом Гуан Сюй. К сожалению, его супруга Лунь Юй разделила судьбу Чжэнь – когда-то любимой наложницы императора, – генерал улыбнулся. – Очень дед Жемчужной наложницы мечтал об этом.

– Позвольте простить моё незнание, но кто же дед погибшей любимой наложницы императора? – поинтересовался я.

От Вогака я слышал о том, что, перед тем как покинуть Пекин во время боксёрского восстания, Цы Си приказала утопить в колодце Чжэнь, когда та попросила вдовствующую императрицу разрешить императору Гуан Сюй остаться в Пекине и вести переговоры с иностранными дипломатами.

– Её дед носит фамилию Ютай, и он генерал-губернатор провинций Шэньси и Ганьсу. Это практически весь север империи Цин. И ещё, губернатор Ютай – мой хороший друг. Её дядя, генерал Чаншань, командует войсками провинции Гуанчжоу. Отец прекрасной Чжэнь был вице-секретарем Министерства доходов.

– Был? – несколько невежливо перебил я Юань Шикая.

– Он всего на день пережил свою дочь. Казнён по приказу Цы Си, – вежливо ответил генерал, не обратив внимания на моё нетактичное поведение.

– Понятно. – Я сделал краткую паузу и произнёс:

– Ваше превосходительство, разрешите задать вопрос, который может вам показаться непочтительным, но я больше воин, чем дипломат, и не привык юлить.

– Слушаю вас, господин полковник. Я тоже больше воин, чем политик и дипломат. Просто в силу своего положения приходится заниматься и такими вещами. Итак, слушаю ваш вопрос, – Юань внимательно смотрел мне прямо в глаза.

– Ваше превосходительство, почему вы сохранили жизнь императору Гуан Сюй? – произнёс я и замолчал.

Генерал глубоко вздохнул и откинулся на спинку кресла. Закрыв глаза, Юань Шикай просидел в такой позе секунд тридцать, после чего поднял веки и, посмотрев на меня каким-то усталым взглядом, произнёс:

– Император Гуан Сюй олицетворяет новую империю Цин, которая должна занять причитающееся ей место на мировой арене, а не быть практически колонией восьми держав. Без него мне и моим соратникам не удастся произвести китайскую революцию Гуан Сюй по подобию революции Мэйдзи. Нам нужно знамя революции, знамя реформации, – генерал замолчал, вновь прикрыв глаза.

Я также молчал, поняв, что Юань Шикай ещё не закончил свою мысль.

– Идеи императора по преобразованию нашей великой империи во время «Ста дней реформ» нашли живой отклик у большого количества населения Поднебесной. Гуан Сюй понимает необходимость преобразований практически во всех областях, включая международную и внутреннюю политику страны, её экономику, вооружение, военные силы, создание системы высшего образования и многое-многое другое, даже расовый вопрос, – генерал замолчал, задумавшись.

– Прошу прощения, ваше превосходительство, что значит расовый вопрос? – решился я нарушить затянувшуюся паузу.

– Я родился в провинции Хэнань – одной из колыбелей китайской культуры. На протяжении многотысячелетней истории китайской цивилизации более двадцати империй устанавливали или переносили столицы своих государств в Хэнань. Маньчжуры не сделали этого, так как считали себя выше ханьцев. Я и многие мои последователи, да и император, считаем, что в Китае должно быть юридическое равенство между ханьцами и маньчжурами, несмотря на якобы существующие расовые различия между ними. Империя должна быть национальной,

где у всех будет национальность – китаец, – довольно эмоционально закончил эту фразу генерал и опять взял паузу.

Я тоже молчал, так как не знал, что сказать.

– Я и мои люди контролируем шестнадцать наиболее развитых провинций империи, опираясь на располагаемые там войска. Мои шесть дивизий нового толка в Чжили держат в кулаке столицу и Тяньцзинь. У нас большинство союзников из оставшихся в живых членов правительства и Военного совета. Среди известной части китайских интеллектуалов за мной закрепился ореол защитника национальных интересов Китая, – продолжил свой монолог Юань Шикай. – Но без императора на первых порах мы не справимся. Начнётся смута. Драка между собой, чем непременно воспользуются иностранные державы, продолжая растаскивать мою страну на куски. Именно поэтому император Гуан Сюй остался жив. Я ответил на ваш вопрос, господин полковник?

– Более чем, ваше превосходительство. Ещё один неудобный вопрос. А как Гуан Сюй отнёсся к возникшим волнениям? – мягко обозвал я военный переворот.

– Можете передать своему императору, что мы достигли определённых соглашений, и Цзай Тянь понимает своё положение. Тем более за время его заключения у него обострилась чахотка. Доверенный дворцовый врач отводит императору не больше пяти лет жизни при самом благоприятном исходе и с учётом усиленного лечения.

– Новую жену императору искать не дадут, и на нём императорская династия Цин прервётся. Я правильно понял?

– У вас действительно отсутствуют даже задатки дипломатии, господин полковник, – забавно пошевелив усами, недовольно произнёс Юань Шикай.

– Ваше превосходительство, вы сами сказали: мы воины. К чему все эти политесы? Насколько я понимаю, как бы ни было сформировано новое правительство империи Цин во главе с Гуань Сюй, реальная власть будет в ваших руках и руках ваших соратников. Говоря совсем откровенно, вы будете диктатором империи Цин, если сравнить с Древним Римом, то есть будете обладать всей полнотой государственной власти?!

Я посмотрел на Юань Шикая – такого небольшого плотного мужичка-боровичка, в позе и во взгляде которого после моих слов промелькнуло что-то наполеоновское.

– *Dictator rei gerundae causa*, – на латыни произнёс генерал и тут же перевёл сказанное: – Диктатор для ведения войны. Да, такой диктатор из меня получился бы. И от того, что диктатор не может быть привлечён к ответственности после окончания срока своих полномочий за любые совершённые им действия, тоже бы не отказался. Но реально... Реально, я буду иметь чуть больший вес, чем император.

Юань Шикай замолчал и чуть прищурил глаза, из-за чего стал похож на какого-то китайского божка.

– Ваше превосходительство, что вы можете сообщить о вашем отношении к имеющимся русско-китайским обязательствам? – решил я ускорить переговоры.

– Мы обсудили этот вопрос с императором и в Цзюньцзичу². Все договоры с Российской империей остаются неизменными, – твёрдо произнёс генерал.

– Надеюсь, ваше превосходительство, вы понимаете, что объявления войны Японии мой император от вас не ждёт?

– Господин полковник, я понимаю, что официальное вступление Великобритании в войну на стороне Японии не выгодно ни вам, ни нам. Император Гуан Сюй это также прекрасно понимает. Нашей задачей на ближайшие пару лет является удержание власти в стране, недопущение её раскола, а дальше потихоньку будем наращивать свой потенциал, отстаивая свою полную независимость. Великодержавные настроения ханьской и маньчжурской элиты, кото-

² Военный совет, высший орган империи Цин.

рые считают Империю Цин патроном соседних азиатских государств, никуда не делись, и мы надеемся, что Российская империя нам в этом поможет.

– И как вы это видите?

– Русскому императору нужен вассалитет корейского вана? – каким-то напряжённым голосом спросил Юань Шикай.

– Насколько мне известно, Российская империя не имеет перед собой цели добиться преобладающего влияния в Корее за счёт протектората, не говоря уже о планах захвата корейской территории. Нам бы Маньчжурию и Квантун отстоять в войне с Японией, – твёрдо ответил я.

– Судя по тому, как складываются дела, вам это удастся, и, возможно, в короткие сроки. Японская экономика, как я это себе представляю, находится в полной зависимости от внешних поставок ресурсов, которые вы удачно перекрыли. Два-три месяца – и император Мэйдзи вынужден будет искать мира.

– Как говорят у нас в России, ваши бы слова да богу в уши, чтоб он услышал. Не всё так просто, ваше превосходительство.

– Вы об английских броненосцах с английскими «добровольцами» на них?

– Именно о них. И о том, какие дальнейшие действия предпримут Англия и Штаты. Именно эти две страны взрастили японского хищника, который теперь нацелился на Дальний Восток и Корею. Получив эти земли, Япония сможет стать намного сильнее, что угрожает обоим нашим империям.

– Как я понимаю, господин полковник, ваша империя этого допустить не может.

– Да, ваше превосходительство, не можем, даже если Англия и Штаты найдут «добровольцев» для боевых действий на суше, – произнёс я с лёгкой усмешкой.

– Вы планируете наступление в Корею от своих позиций на реке Ялу? – задал вопрос Юань Шикай, остро взглянув на меня.

– Ваше превосходительство, по планам военных действий на сухопутном фронте Россия будет вести оборонительную войну, чтобы не допустить врага на свою территорию. Признаюсь, в Корее планируется вести партизанские действия, затрудняющие продвижение и снабжение японских войск. Каких-либо захватов территории Кореи не предусматривается.

– Жаль! – Юань Шикай резко поднялся из-за стола и прошёлся туда-сюда по кабинету. – Жаль, – ещё раз произнёс он. – Мы при таком развитии дел готовы предоставить несколько дивизий «добровольцев» со стороны империи Цин, основой которых стали бы войска дзяньдзюня Чан Шуня. Хотелось бы вернуть своё влияние на Корею. При этом мы готовы отдать под полное влияние Российской империи Северную Корею.

Закончив фразу, генерал внимательно посмотрел на меня. Я же задумался. Такого я явно не ожидал и, что говорить, просто не представлял. Сколько там этих войск у моего родственника? Максимум тысяч десять-двадцать, может, чуть больше. Да даже тридцать-сорок горевояк, при этом Южная Корея в случае нашей победы отойдёт Китаю. Охренеть...

– Не думаю, что это хорошая идея, – начал я, но был перебит, чтобы он ни говорил, реальным военным диктатором Китая.

– Я понимаю ваши сомнения, но считаю, что такое станет возможным, если на реке Ялу появятся английские и американские «добровольцы».

– Вы готовы выступить против Великобритании и Штатов? – произнёс я, будучи несколько ошарашен сказанным.

– Господин полковник, меня не зря обвиняют в прорусских настроениях. Ещё мой учитель великий Ли Хунчжан считал, что нам надо ставить на Российскую империю. Лучше вы, чем Япония или Англия с САСШ. Яркий пример город Харбин – и во что он превратился за несколько лет. Можно много говорить о пользе и вреде для империи Цин договора «О союзе и постройке Китайско-Восточной железной дороги» и Конвенции «О предоставлении России в аренду портов Льюшунь и Далянь», результаты говорят сами за себя. В отличие от других

европейцев, вы даёте работу и платите хорошие деньги за неё, пусть и нарушив сложившийся уклад жизни наших подданных на этой территории... – Юань Шикай сделал паузу и вновь прикрыл глаза.

Я молча ждал продолжения от стоящего передо мной генерала, при этом мне очень хотелось сделать глоток чая из чашки, стоящей передо мной, так как в горле стало сухо, как в пустыне.

– Да, господин полковник, после окончания сроков договора и конвенции в моей стране останутся развитая инфраструктура и наши подданные, занятые делом. В отличие от вас, англичане, чьё присутствие в виде различных капиталов превышает всё, что имеют остальные державы, тоже строят, но расплачиваются за это опиумом, уничтожая нашу нацию, – закончив фразу, Юань Шикай подошёл к стоящей на соседнем столе шкатулке, достал из нее опечатанный футляр.

– Здесь наши предложения, мои и императора Гуан Сюй. Их надо тайно срочно доставить вашему императору. – Диктатор сделал паузу и продолжил: – Вашему родственнику, дзяньдзюню Чан Шуню, дано указание оказывать полное содействие по снабжению продовольствием и всем необходимым ваших войск на реке Ялу. И ещё... Ваша сестра с наследниками Чан выехала в её родную станицу. Это жест нашей доброй воли по отношению уже к вам.

«Охреть...» – подумал я, поднимаясь из-за стола и беря в руки футляр.

Глава 4

Переправа

– Что будем делать, господа? – задал я вопрос, посмотрев на Вогака и Лессара.

– Думаю, придётся воспользоваться предлагаемыми услугами генерала Юаня. Столько войск мы для вашей охраны выделить не сможем, а «Лейтенант Бураков» не сможет уйти от противника в том состоянии, в котором сейчас находится. Обращаться к германцам – значит влезть к кайзеру в ещё один неоплатный долг. Да и объяснять надо, в чём причина такой срочности вашей доставки до Южно-Маньчжурской железной дороги, а это ни к чему, – степенно произнёс Константин Ипполитович, на что чрезвычайный посланник и полномочный министр в Китае согласно кивнул головой.

Обсуждали мы предложение Юань Шикая, как быстрее добраться мне назад в столицу. Морской путь отменялся, так как у китайцев флота не осталось. «Лейтенант Бураков» стоял в ремонтном доке крепости Таку. К немцам, правильно сказал Вогак, мне обращаться не хотелось. Незачем Вильгельму II знать о переписке между русским императором и новоявленным диктатором Китая и императором Гуан Суй.

Если коротко, то предложение генерала Юаня было следующим. На поезде пройти путь Пекин – Тяньцзинь – Шаньхэйгуань – Цзиньчжоу и от конечной станции Китайской железной дороги верхом до Инкоу, где располагалась станция ЮМЖД и стоял русский гарнизон. Для этого Юань Шикай выделял мне целый вагон с охраной, а до Инкоу из Цзиньчжоу меня должны были сопровождать две верховые сотни из личной гвардии генерала.

Честно говоря, я уже принял это предложение, но должен был более мягко довести его до наших дипломатов, так как это было некоторым щелчком по носу русской дипмиссии в Пекине, которая не могла реально выделить большие силы для охраны моей тушки.

Рота солдат и казачья сотня – вот и все военные силы, которые присутствовали в русской концессии Пекина. В Тяньцзине их было ещё меньше. А путь до Инкоу из Цзиньчжоу составлял напрямую около ста вёрст, по дороге – все сто пятьдесят. Два-три конных перехода. И этот маршрут был реально короче любого другого. Им иногда для скорости пользовались наши дипкурьеры, но в мирное время.

Эти воспоминания пронесли в голове, когда сопровождающий меня офицер в звании цзолиня, что соответствовало званию капитана в российской армии, предупредил, что через час будет Цзиньчжоу, где меня будет лично встречать цаньлин³ Ванг.

Начальник моей охраны в поезде уже поведал, что цаньлин Ван возглавляет конный полк в армии генерала Юаня, который состоит из четырёх лянцзы по двести пятьдесят всадников. То, что меня будет сопровождать целый командир полка, было лестно.

Поблагодарив цзолиня, принялся переодеваться. В верховой путь отправлюсь в удобной форме волкодавов Аналитического центра, имея при себе мой любимый «рюкзак десантника». Из оружия ножи на запястьях, два пистолета в открытых кобурах. Свой браунинг и люгер Вогака, который генерал презентовал в дорогу. Пожалел, что нет с собой пистолета-пулемёта. Да и пара гранат точно пригодилась бы.

На душе было муторно, хотя до Цзиньчжоу добрались без проблем и с удобствами. Вагон, который выделили для меня, был очень и очень комфортабельным. Не удивлюсь, если им пользовались члены императорской фамилии Цин.

Уложив парадный мундир и всё лишнее в перемётные сумки, проверил ещё раз ранец и его содержимое: мои документы, пенал с бумагами от Юань Шикая в водонепроницаемых

³ Звание соответствовало званию полковника в Российской императорской армии начала XX века.

чехлах, в отдельном мешочке – ордена. На мундире оставил только Георгия и Владимира. Так, что у нас ещё здесь? Сухпай: три банки говяжьей тушёнки, парочка банок рыбных консервов и галеты. Фляга с подсолённой водой объемом со штоф. В отдельном непромокаемом мешочке – бензиновая зажигалка.

Это была отдельная строка в моих финансовых вложениях и в местном «прогрессорстве». При мониторинге в Аналитическом центре международных изобретений в одном из докладов пару лет назад мне попала информация, что австрийский подданный барон фон Вельсбах – управляющий металлургического завода в Трайбахе – подал заявку на изготовление мишметалла, который мог бы применяться для изготовления искусственных кремней.

Набрал конструкцию кремневой зажигалки типа «Zippo», где зазубренное стальное колёсико высекает искру из ферроцериевого кресала, а искра поджигает пропитанный бензином фитиль. Император посчитал для себя это мелочью, а вот Сандро решил вложиться в это дело. Письмо барону от великого князя с предложением открыть совместное предприятие по изготовлению зажигалок нашло у фон Вельсбаха горячий отклик, а полгода назад бензиновые зажигалки «FerSet» (от названия сплава) поступили в продажу.

Мне принадлежали пятнадцать процентов акций данного предприятия и патентные отчисления. В общем, если не убьют, лет через десять, а то и раньше, стану солидным миллионером. Завод в Австрии не справлялся с заказами, а Сандро решал вопрос об открытии такого же завода в России.

Так, что у нас ещё в РД? Бинокль в футляре, портмоне с ассигнациями на пятьсот рублей, запас патронов в коробках, чистые портянки, котелок, ложка, складной нож, ветошь, маслёнка, нитки, иголки, набор для удочки и ещё некоторые мелочи.

Проверил плечевую систему ранца, на которой слева на уровне груди расположены отделения с тремя метательными ножами, ниже – подсумок с аптечкой (бинты, марлевые тампоны, жгут, косынка). С правой стороны – два подсумка для патронов, куда положил по три снаряженных запасных магазина для пистолетов. Небольшой бурдюк со спиртом вместо антисептика уложил сверху в основное отделение ранца, которое застегнул на две пуговицы. Проверил под кителем пояс с золотыми десятирублевками. Пятьдесят штук как неприкосновенный запас. Всё, к походу готов, как пионер!

Все остальные мои вещи с документами в моём дорожном чемодане посол Лессар обещал отправить в Питер дипломатическим багажом. В эту поездку отправился налегке.

Заскрежетали тормоза, и поезд начал останавливаться. Солдат, закрепленный за мной на время поездки денщиком, взял перемётные сумки, а другой подхватил ранец. Я же засунул в крепление портупей за спиной свою шашку с золотым эфесом.

В сопровождении десятка солдат и цолиния вышел на перрон, где меня дожидались два десятка бойцов и цаньлин Ванг.

Китайский полковник с уважением посмотрел на мои ордена и несколько недоуменно – на эфес шашки, торчащей у меня за правым плечом.

– Господин полковник, я полковник Ванг Юн. Мой генерал приказал сопровождать вас до Инкоу. Это все ваши вещи? – на неплохом английском произнёс китаец лет сорока, высокий, худощавый и с пронзительным взглядом.

Я в нём сразу почувствовал родственную душу. Сразу было видно, что это воин, а не паркетно-штабной шаркун. И он чем-то напомнил убитого мною Золотого Лю.

– Рад познакомиться, господин полковник, – я склонил голову. – И это все мои вещи. В седле держусь хорошо.

На этом знакомство и закончилось. По знаку Ванга пара его бойцов перехватила у солдат сопровождения мои вещи, после чего мы направились по перрону мимо вокзала. Обойдя здание, я увидел около тридцати всадников и столько же свободных лошадей под седлом.

Я тяжело вздохнул про себя. Жизнь в Питере избаловала хорошими конскими породами. Здесь же опять придётся ехать, судя по всему, на «монголке», которая больше похожа на более-менее высоких пони. Да ещё и седла монгольские, к которым я не привык. Но как говорится, лучше плохо ехать, чем хорошо идти.

Вскочил на предоставленного мне меринка, прикрепил к седлу ранец, а перемётные сумки один из всадников-охранников расположил на моей заводной лошади. Когда все оказались в седле, цаньлин Ванг дал команду выдвигаться. Двинулись от вокзала через площадь двумя колоннами. Ванг Юн пристроился рядом со мной и, пока мы ехали через Цзиньчжоу, исполнял роль гида, рассказывая о примечательных местах этого городка.

На выезде из Цзиньчжоу нас ожидал большой отряд конницы, не меньше двух сотен. Встретив нас, уже вся лянцзы выдвинулась в колонну по три, причём вперёд ушёл головной дозор из десятка конников, а вскоре от отряда отделились и боковые дозоры, также по десятку всадников. Было видно, что это действительно хорошо обученная конная гвардия генерала Юань Шикая.

Во время движения узнал от Ванга, что его полк – это в своей основе остатки конницы из корпуса генерала Не Шичена, именно той конницы, которую обучал полковник Воронов Павел Павлович, награждённый за это императрицей Цы Си орденом Двойного Дракона Первого класса третьей степени.

По иронии судьбы Павел Павлович оказался в осажденном Тяньцзине и был вынужден на своей шкуре убедиться в достаточно высоком качестве своего обучения. Лишь гибель Не Шичена в бою под Балитай в окрестностях Тяньцзиня привела тогда к отступлению от города китайских войск. Это произошло после взятия Восточного арсенала, в котором я участвовал, и где-то дня через три, как я убыл из отряда генерала Стесселя.

Не Шичен находился в районе Балитай, руководя боем, и когда сложилась критическая для китайских войск обстановка, он лично возглавил контратаку своих солдат. Однако она была сорвана в самом начале: осколок снаряда, разорвавшегося рядом с генералом, попал ему в живот, и Не Шичен скончался на месте. Оставшись без руководства, части его корпуса постепенно отступили от Тяньцзиня.

Ванг с большим уважением рассказывал и о генерале Не Шичене, и о полковнике Воронове. Я же во время движения нашей конной колонны сделал для себя вывод, что данное подразделение, а соответственно и весь полк Ванга, несёт службу по уставам Российской императорской армии. Что, с одной стороны, радовало, так как они сопровождали и охраняли меня, а с другой стороны – настораживало. Хочешь не хочешь, но мы обучили своих противников по китайскому походу. Хотя теперь есть большая вероятность, что они станут нашими реальными союзниками.

Марш совершали также установленным в российской армии темпом: одна верста пути шагом в течение десяти минут и один километр рысью за пять минут или две версты за десять минут. После десяти вёрст – получасовой отдых, во время которого лошадей осматривали, проверяли копыта, подковы, потники, протирали, пересёдывали.

Так как вышли в поход после обеда, то в первый день прошли только тридцать вёрст и встали большим биваком на ночёвку. Мой спиртовой антисептик помог наладить более простые отношения с офицерами лянцзы, которые все говорили на английском, так что мой плохой китайский не пригодился.

На следующий день прошли, по моим прикидкам, больше пятидесяти вёрст. Во время ужина, где уже проставлялись китайцы, Ванг Юн сообщил мне, что завтра к обеду будем уже в Инкоу, чем меня обрадовал. Кажется, моё мрачное настроение и плохие предчувствия в поезде не оправдывались, и слава богу. Тем более что чуйка-то в поезде не верещала, просто муторно как-то было.

Следующий день, точнее утро, был солнечным с небольшим ветерком, который разгонял жару и духоту. Где-то через час пути повеяло влагой, и Ванг сообщил мне, что впереди переправа через реку Тойцзыхэ, после неё до Инкоу останется меньше двадцати вёрст.

Моё наслаждение от подувшей прохлады прервала чуйка, которая буквально завопила, когда передо мной открылся вид на переправу, представлявшую собой большой паром с буксиром, стоящим у нашего берега. На противоположном берегу, заросшем камышом, виднелись глинобитные дома небольшого селения.

– Это посёлок Дава при переправе. Большой паром используется только для больших грузов и большого количества людей, а так применяют лодки и малый паром с гребцами. Река судоходная, перекрывать её нельзя. На большом пароме нас в четыре-пять заходов перевезут. Тем более глава посёлка предупреждён о нашем появлении сегодня. Вот заранее и паром к этому берегу перегнал, – произнёс полковник Ванг, отпустив поводья и позволив своему коню припасть губами к воде.

Я также отпустил поводья. Пусть и мой меринок попьёт. Вчера воды особо много на ночной стоянке не было. Каждому коню досталось где-то по полведра. Глядя на то, как на противоположном берегу и на буксире засуетились люди, а из трубы судна густо повалил дым, я почувствовал, как чуйка начинает вопить всё сильнее и сильнее, хотя окружающая обстановка казалась спокойной.

– Господин полковник, на каком пароме по счёту мы будем переправляться? Я вижу, что вас что-то беспокоит? – произнёс Ванг, пытаясь поймать мой взгляд.

– Тревожно мне, господин полковник. Знаете, бывает такое предчувствие близкой опасности. Вот у меня сейчас такое чувство, а чем оно вызвано, не пойму, – ответил я, открыл клапан ранца и достал бинокль.

Осматривал я округу довольно долго, причём не только противоположный берег, но и наш. Спрятать большие силы было как бы негде, и в пределах видимости вроде никого не наблюдалось. Вздохнув, передал бинокль полковнику Вангу. Тот тоже надолго припал к нему, осматривая окрестности.

Между тем на паром, получив ранее приказ, загрузилась первая партия, где-то в полсотни всадников. Ванг, подъехав к парому, быстро протараторил приказ офицеру, который отправлялся с этой группы. Говорил полковник быстро, так что я смог только разобрать задание осмотреть посёлок и ближайшие подступы к нему. И ещё речь шла о каком-то овраге.

Переправа первой полусотни на тот берег заняла около десяти минут, при этом половина ушла на швартовку. Река здесь была шириной около трёхсот метров, а буксир тащился со скоростью пешехода.

Выбравшись на берег, полусотня рассыпалась десятками по посёлку, а паром пошёл в нашу сторону. Вторая партия моего эскорта также переправилась спокойно и встала в пять шеренг на том берегу. А первая полусотня направилась за пределы поселка, видимо, проверять какой-то овраг.

Наступил и наш черёд. Чуйка вопила как резаная, поэтому, перед тем как оказаться на пароме, я достал из ранца документы, пенал с письмом и положил себе за пазуху.

Ванг, наблюдавший за мной, поинтересовался:

– Что вы делаете, господин полковник?

– Полковник Ванг, я на своём теле спрятал свои документы и письмо вашего императора и генерала Юаня к русскому императору. Если я погибну, они не должны попасть в чужие руки. Обязательно их уничтожьте, – ответил я и обозначил просьбу-приказ.

– Господин полковник, мы отдадим свои жизни, защищая вас. Это приказ генерала Юаня. Поэтому я вряд ли смогу выполнить вашу просьбу, так как погибну раньше. Но если вдруг случится вас пережить, то я сделаю то, о чём вы просили. Клянусь вам в этом! – торжественно произнёс Ванг Юн и склонил голову.

– Благодарю, – я также склонил голову.

– Вы так уверены в нападении? – спросил Ванг, выпрямившись.

– Не уверен, но готовлюсь. Чувство опасности возрастает, – ответил я, спрыгивая с коня и беря его под уздцы.

К нам подходили двое солдат, которые должны были завести на паром наших с полковником лошадей. Очередная полусотня уже была на борту. Поднявшись на палубу этого средства передвижения, я встал рядом с поручнем леерного ограждения парома. Полковник Ванг расположился рядом, нервно теребя темляк на своей сабле. Мое волнение передалось и ему.

Всё началось, когда паром почти достиг середины реки. На том берегу, куда мы плыли, в направлении, куда ушла первая полусотня, началась залповая стрельба, а потом раздался рокот как минимум трёх пулемётов Максима. Как басит изделие Хайрема, я не перепутаю ни с чем. Эти звуки заставили полковника Ванга покраснеть от вброса адреналина в кровь.

– Вы оказались правы, господин полковник. Переправа оказалась засадой. И судя по стрельбе, враг прятался в глубоком и длинном овраге, который находится в двух ли от посёлка. Надо возвращаться назад, против пулемётов мы ничего не сможем сделать, – нервно произнёс китаец.

Я непроизвольно посмотрел назад, и мне сразу бросилось в глаза большое облако пыли, показавшееся где-то верстах в шести-восьми от берега.

– Поздно, полковник Ванг. Судя по размеру пылевого облака, минут через десять здесь будет не меньше двух-трёх сотен всадников. Не успеем развернуться и дойти до берега до их прихода. В клещи зажали! Грамотно сработали! – мрачно произнёс я.

– Что же будем делать?! – Ванг, поворачивая голову, начал смотреть то на берег, к которому мы плыли, то в сторону, откуда отплыли.

– Надо дать команду капитану буксира повернуть и идти вниз по течению посередине реки. Часть лошадей выгнать с парома, часть убить и организовать из их тел баррикады на обе стороны. Если буксир не повредят, то есть вероятность продержаться до Инкоу. По реке до города сколько ли будет?

– Точно не знаю. Думаю, около шестидесяти. Лошадей жалко, – лицо полковника перекопилось.

– Это единственный шанс выжить, – твердо произнёс я.

Ванг развернулся, чтобы перейти к борту парома, ближайшему к буксиру, но тут, будто из-под земли, в версте от поселка выкатилась лава всадников и галопом понеслась в атаку на оставшуюся на берегу полусотню. Те не растерялись, а открыли кучный огонь из винтовок с седла, выбивая с коней атакующих. Тех хоть и было под две сотни, но такого плотного огня не выдержали и отвернули в сторону, освободив место трём бричкам с пулемётами Максима, которые следовали за атакующей лавой.

Буквально через мгновение брички развернулись, и три пулемёта Максима почти разом заговорили. Чуть больше минуты – и семьсот пятьдесят пуль вылетели в сторону нашей полусотни, перемолов её практически в фарш. За это время отступившие всадники противника вновь выстроились для атаки и, едва замолкли пулемёты, устремились вперёд.

– Это конница генерала Ли. Он враг императора Гуан Сюй и генерала Юаня. Нам конец, – мрачно произнёс полковник Ванг.

В подтверждение его слов я увидел, как с буксира в воду начал прыгать его экипаж, стремясь как можно быстрее уплыть по течению. Наша последняя надежда лопнула как мыльный пузырь.

Пока я мрачно смотрел на уплывающий экипаж буксира, вражеские всадники успели добраться до жалких остатков нашей полусотни и занялись любимой забавой – охотой за отступающим противником. Через несколько секунд на берег вылетели три «тачанки», быстро развернулись, и на наш паром уставились три ствола пулемётов Максима.

Дождаться открытия огня я не стал и в каком-то непонятном акробатическом прыжке, отталкиваясь от поручня, прыгнул в воду. Уже в полёте, словно в замедленной съёмке, увидел, как на спине полковника Ванга расцвели два кровавых тюльпана.

* * *

Селивёрстов Пётр Никодимович, сидя на прикормленном им для рыбалки месте у реки Амур, любовался встающим из-за горизонта солнцем, лучи которого разгоняли туман на реке.

Улыбаясь от ощущения зарождения нового дня, старый казак достал из стоящей рядом корзины стакан и неполную бутылку «беленькой». Налив чуть меньше чарки, вернул бутылку назад и достал свободной рукой малосольный огурец.

Резко выдохнув, Селивёрстов опрокинул стакан, крикнул и смачно захрустел огурцом. Вернув пустую посуду в плетёнку, достал оттуда бутерброд с копчёной белорыбицей, который был так же быстро уничтожен.

Старый казак прислушался к ощущениям в организме и удовлетворённо кивнул. Наконец-то похмелье отпустило – выпито за последние три дня было не мало, а он уже не мальчик. Всё-таки шестьдесят семь стукнуло. Два года уже в старейшинах станицы ходит. Но и повод был знатный. Алёнка Аленина в станицу приехала. Точнее, с приличной свитой прибыла вдова командующего армией провинции Гирина Ли Чан Куифена с тремя своими сыновьями – наследниками генерал-губернатора той же провинции Чан Шуня.

– Тыфу ты, чёрт возьми! Язык сломаешь с этими китайскими именами, – вслух произнёс Селивёрстов и вытер тыльной стороной ладони губы. – А Алёнка-то какой фифой стала. Настоящая генеральша.

Старый казак воровато оглянулся по сторонам, не слышит ли кто его разговора самого с собой. Ещё не хватало, чтобы слухи по станице пошли, что Селивёрстов заговариваться начал.

Да, это лето стало богатым на события. Сначала Тимоха, точнее флигель-адъютант Генерального штаба подполковник Аленин-Зейский Тимофей Васильевич, Георгиевский и Владимирский кавалер, обладатель «Золотого» оружия, он же Ермак, он же Белый Ужас, в гости заехал. Привёз с собой груды подарков чуть ли не для всей станицы и от себя, и от братьев.

Кто мог подумать, что первый десяток казачат, собранный Тимохой для обучения воинскому делу четырнадцать лет назад, достигнет таких успехов.

То, что Ермак в ближниках самого царя ходит, – это отдельная песня. Это вообще гордость и честь всего Амурского казачьего войска. Так и сын Ромка нынче сотник и командир особого подразделения Аналитического центра при царе-батюшке, Георгиевский кавалер. Вторым, за Ермаком, был этой наградой в Амурском казачьем войске награждён. Недавно Анну и Станислава 3-й степени получил. И всё с мечами. Жутко сказать, командовал штурмом дворца великого князя Владимира Александровича, который против императора на измену пошёл.

Данилов Петька тоже сотник и тоже в Аналитическом центре служит. По словам Тимохи, скоро женится на дворянке. Это Петька-то, который голожопый на хворостине четверть века назад по улице скакал, а потом от сверстников постоянно огребал из-за своей физической слабости.

Антипка Верхотуров и Вовка Лесков первые во всём Амурском войске получили на грудь Георгия второй, третьей и четвёртой степени, да золотые медали «За храбрость», а остальные пятеро из того десятка все Георгия 4-й степени имеют и все урядники. К тому же инструкторами в Аналитическом центре служат, аж по сто рублей в месяц получают. У нас хорунжий меньше получает. А тут служивые казаки...

Селивёрстов тряхнул головой, словно отгоняя сомнения в правдивости информации, после чего гордо улыбнулся. В одной станице три офицера выращены из обычных казаков, два из них Георгиевские кавалеры. А столько солдатских Георгиев нет ни в одной станице,

кроме Черняева. Слава по всему Приамурью и Забайкалью идёт! И сейчас вон братья Тимохи у генерала Ренненкампафа опять какими-то инструкторами служат. Обучают казаков новым видам боя. Чувствуется, точно ещё Георгия выслужат. А Антипка с Вовкой, может быть, полный Георгиевский бант получают. Вот славно было бы!

Мысли старого казака перекинулись на приезд в станицу Алёнки Алениной.

– Деда, меня батя прислал. К тебе домой сейчас китайская генеральша в гости придёт. Она в нашей гостинице остановилась, – выпалил одним духом шестилетний внучок Матвейка, буквально влетевший в горницу.

– Что за генеральша, да ещё китайская? – спросил удивлённо Селивёрстов.

– Она сегодня с тремя детьми и сопровождением на пароходе приплыла и на постой к нам в гостиницу встала. А потом спросила у бабки, где ты живёшь. Он сейчас с ней идёт, а меня вперёд отправил, – как из пулемёта протараторил малыш.

– Вот те на! Что за напасть-то такая! – Старый казак перекрестился и кинулся к шкафу, где висел его парадный мундир.

Через несколько минут Селивёрстов уже был на крыльце и увидел, как открывается калитка и старший сын Никифор с поклоном пропускает во двор женщину, одетую в длинное маньчжурское платье «ципао» красного цвета, украшенное золотым шитьём. На её голове замысловатую причёску поддерживали украшения, блестя драгоценными камнями. С толку сбивало то, что лицо у гостьи было явно не китайки, особенно выделялись блестящие изумрудами зелёные глаза.

Сделав несколько семенящих шагов по двору, незнакомка чисто по русскому обычаю поклонилась в пояс, после чего произнесла:

– Будь здоров, дядька Петро! Тимофей сказал мне, что ты ему отца заменил, когда вся наша родня умерла. Как к отцу я к тебе и пришла. Я Алёна Аленина.

Женщина вновь низко поклонилась.

– Алёна... – неверяще произнёс Пётр Никодимович, сделав два шага с крыльца, покачнулся и плюхнулся пятой точкой на ступеньку. – Мы же тебя давно похоронили...

– Живая я, дядька Петро, – Аленина просеменила к старику и взяла его за руку. – Живая. Вот приехала могилам поклониться. Брат моего покойного мужа отпустил на время родные места посетить.

Старик внимательно всматривался в лицо гостьи.

– Боже мой, как же ты на мать похожа. Копия Катерины. И с Тимохой одно лицо, только ему глаза от отца достались. – Селивёрстов не заметил, как по его щекам потекли слёзы. – Надо же, живая...

– Охренеть! А я думал, на кого же госпожа Чан похожа. И правда, вылитая тётка Катерина, – раздалось от калитки, где столбом застыл Никифор.

– Какая ещё госпожа Чан? – удивлённо произнёс старый казак.

– Это я, дядька Петро. Меня сейчас зовут Ли Чан Куифен. Я вдова генерала Чан Кианга, командующего армией провинции Гирин, а его старший брат Чан Шунь – генерал-губернатор этой провинции.

– Кхе... Да уж, Аленины, вы не мелочитесь. Один – в ближниках у нашего царя-батюшки, вторая – китайская генеральша. Жаль, Василий с Катериной до этого не дожили. А станица теперь совсем с ума сойдёт. Да что там станица! Всё Приамурье, правильно сказал сынок, охренеет, – улыбаясь сквозь слёзы, произнёс старик. – Ну-ка, дочка Алёнка, помоги мне встать, а то что-то ноги не держат.

Да уж! Станица ошалела от новости, что китайская генеральша с тремя детьми, которую сопровождали пять служанок и десяток телохранителей, выглядевших по повадкам умелыми бойцами, – это много лет назад пропавшая во время нападения хунхузов на станичный обоз Алёна Аленина.

Вечером госпожа Ли Чан Куифен организовала в трактире небольшое застолье для атамана, старейшин станицы, глав семейств, где рассказала свою историю. Можно сказать, это было деловое общение, на котором Алёна сообщила, по какой причине её брат молчал о том, что нашёл её. Также поведала о своих планах посещения станицы. Все присутствующие, после того как женщина покинула застолье, единогласно признали, что Алёнка – настоящая генеральша, привыкшая повелевать.

На следующий день станичная церковь чуть не развалилась от наплыва желающих посмотреть на то, как китайская генеральша молится во время утренней службы. Потом она вместе с Селивёрстовыми посетила могилы Алениных, а вечером было настоящее гулянье на станичной площади, заставленной столами, ломящимися от еды и выпивки.

Праздник вышел ещё хлеще, чем при приезде Ермака два месяца назад. Если сначала народ несколько стеснялся, особенно напрягали телохранители Алёны Васильевны, то после того, как генеральша приказала и им сесть за столы, веселье начало набирать обороты.

Было вручение подарков от Алёны. Были и песни, и танцы. Не обошлось и без учебных поединков между казаками и телохранителями, в которых китайцы показали себя сильными бойцами, победив практически всех своих противников, чем заслужили уважение со стороны станичников.

Дети Алёнки также отличились, особенно старший, который в возникшей детской драке, которую не успели остановить, сумел наставить синяков пятерым казачатам, постарше его года на два-три. Все старейшины на учинённом тут же разборе этой драки в один голос признали, что во всех трёх детях госпожи Чан течёт кровь Ермака Тимофеевича. Дети помирились, а на следующий день племянники генерал-губернатора провинции Гириин уже носились в общей куче станичных детей.

А вчера вечером в доме Селивёрстовых было уже большое семейное застолье, на которое Алёнка переоделась в девичью одежду, оставшуюся от Анфисы, и перестала быть китайской генеральшей, а смотрелась обычной казачкой. Вот тут уж Пётр Никодимович и перебрал, расслабившись от умиления. Даже не мог вспомнить, как его спать уложили.

Проснувшись ещё в темноте, старый казак собрал в корзину кое-что из закуски, сунул туда стакан, початую «беленькую», взял удочки и отправился на реку, чтобы «полечиться» и подумать в спокойной обстановке, а не шарахаться по дому неопохмелённым.

Старый казак вновь потянулся к корзине, но в этот момент в груди с левой стороны сильно кольнуло, а перед глазами почему-то встало лицо Тимохи, который грустно улыбался.

«Господи, никак что-то плохое у Тимофея Васильевича случилось», – поднявшись на ноги, подумал Селивёрстов.

Взгляд старика зацепился за удочки, которые так и лежали не распутанные в траве.

Глава 5

Приказано выжить

В воду я всё-таки вошёл головой вниз, и первые гребки были направлены на то, чтобы нырнуть как можно глубже. А потом я делал всё для того, чтобы оказаться как можно дальше от парама. Аккуратно всплыл, осторожно высунул голову из воды, когда легкие уже начали гореть. Вдох – выдох – вдох – и вновь под воду, и всё дальше и дальше от этой бойни, которую устроили одни китайцы над другими.

Лишь на пятый раз, также аккуратно вынырнув, повернулся кругом, чтобы осмотреться. Отплыл я от парама метров на сто. На нём, так же как и в поселке, со всадниками генерала Юаня было покончено. Буксир так и продолжал неуправляемым идти к берегу. За ним тянулся паром, на котором застыла кровавая куча-мала из человеческих и лошадиных тел. В реке также было много трупов и людей, и животных, которые начало сносить течением от переправы.

Раздалось несколько выстрелов, и я успел рассмотреть, как рядом с одним из тел в воду вошли пули. Я вновь нырнул и поплыл по течению. Сапоги, да и вся форма, намкнув, тянула ко дну. Пистолеты и шашка также добавляли веса, не улучшая плавучести. Но избавляться от всего этого я не торопился. Добираться-то по суше придётся. Я не Ихтиандр, чтобы тридцать вёрст по реке проплыть до Инкоу.

Основной задачей сейчас было понять, к какому берегу плыть и где мне будет безопаснее. Судя по тому облаку пыли, которое я увидел, оставшаяся на берегу сотня всадников из полка Ванга улепётывала куда-то «в ту степь», подальше от опасности. Сталкиваться с атакующими всадниками генерала Ли остатки моего эскорта не захотели. Да я их и не виню. Тем более что чудом живым остался. Чуть промедли с прыжком в воду, и меня бы изрешетили, как полковника Ванга.

Вновь аккуратное подвсплытие, вдох – выдох – вдох, погружение – и гребу дальше. Теперь бы вот узнать, как поступит атаковавший нас противник. Будут преследовать остатки ляньцзы или нет. На том берегу, куда мне надо, есть камыш, а на том, от которого начали переправу, – нет.

Точку в моих раздумьях поставили выстрелы, так сказать, на «нашем» берегу. Преследовать убегающих представители генерала Ли не стали, а занялись отстрелом на реке тех, кто ещё подавал признаки жизни. Поэтому я наискосок поплыл к камышовой заводи, которая была метрах в двухстах от меня.

В камыши заползал, находясь в каком-то полубессознательном состоянии. Так долго я под водой ещё никогда не плавал. Легкие горели, сердце бухало, отдаваясь гулкими ударами в голове. Осторожно добрался до берега и чуть не заплакал от облегчения, наткнувшись на красивый такой навес берега над рекой. Сел под него так, чтобы над водой оставалась только голова, на которую водрузил срезанную ножом кочку водорослей. Всё, теперь меня не видно ни с одного берега. Надеюсь, мой путь через камыш не будет замечен.

Кажется, я отключился на какое-то время. Судя по солнцу, на пару часов. Очнулся от того, что замёрз. Да, август месяц, да, вода градусов двадцать и даже выше, но в ней я нахожусь долгое время. Надо потихоньку выбираться. Только я хотел пошевелиться, как сверху посыпался песок, а над головой кто-то по-китайски произнёс:

– Ну, что там, Во? Кто-то через камыши здесь выбирался?

– Не пойму. Вроде бы проходил кто, а вроде бы и нет. На берегу следов нет. Вода чистая, в ней никого не видно. Пойдём дальше по берегу.

– И долго мы тут бродить будем?

– Говорят, пока не найдем живого или мёртвого Белого Ужаса.

– И кому он понадобился?

– Говорят, это приказ...

Расслышать до конца ответ я уже не смог, так как ищущие меня китайские солдаты удалились дальше по берегу на расстояние, на котором было не разобрать их слова.

Услышанное не радовало. Как не обрадовали несколько лодок, набитых солдатами, которые увидел на реке. Часть из них дрейфовала по течению, а некоторые подплывали к трупам, и бойцы генерала Ли осматривали их.

Кстати, интересно будет узнать, кто же это такой – генерал Ли. Фамилия, распространённая в Китае, как Иванов, Петров и Сидоров в моём времени. Как в том анекдоте:

– Иванов.

– Я.

– Петров.

– Я.

– Сидоров.

– Я.

– Вы что, братья?

– Никак нет, товарищ полковник. Однофамильцы.

Вот и в Китае, Ли, Ван и Чжан все равно что Иванов, Петров и Сидоров. Было бы смешно, если бы не такие целенаправленные поиски меня любимого. Кто-то хочет найти меня живым или мёртвым. А вернее всего, найти письмо от императора Гюан Сюй и генерала Юаня к императору Николаю II. Причем этот кто-то не жалеет своих же солдат.

Ладно, если выберусь из этой передрыги, постараюсь выяснить, кто этот генерал Ли и кто за ним стоит. И хватит расклеиваться. Никаких «если выберусь». Выберусь, и точка! Как там у Юлиана Семёнова? «Приказано выжить» – так, кажется, назывался один из романов про Штирлица. Вот и я себе даю такой приказ – выжить! Выжить назло всем. Мне ещё сына растить, да и дочку иметь хочу. И жена у меня любимая. И тесть с тещей как отец и мать стали. И за тестя надо поквитаться. Хорошо так поквитаться!

Такие мысли заставили сердце сокращаться почаще, адреналинчик брызнул в кровь, и сразу стало теплее. А после этого я вспомнил одну из медитативных техник старика Ли Джунг Хи и, приняв в воде необходимую позу, начал дышать определённым образом, вгоняя себя в состояние внутреннего сосредоточения. Сделать это удалось не сразу. Давно не практиковал, да и окружающая обстановка была несоответствующей для медитации. Но до темноты было ещё часов десять-одиннадцать, и их как-то надо было пережить, сидя по горло в воде с кучей водорослей на голове.

Вспомнился старик Ли, друг великого принца – отца вана Коджон – двадцать шестого короля династии Чосон, а теперь первого императора Корейской империи. Перед глазами встало лицо Мэй Лин, «весеннего цветка», внучки Ли и при этом дочери придворной дамы Ли ранга гвиин из павильона Нэандан, одной из любимых наложниц вана Коджон, таким образом, корейской принцессы.

Когда-то я и Ромка спасли Ли и Мэй от преследовавших их китайских солдат. Потом я помог им перебраться в Японию, где их след потерялся. Полковник Савельев, в те времена ещё поручик, пытался вербануть бывшего придворного врача корейского короля, но их связь оборвалась, как только Ли и Мэй пересекли границу Японии. Одним словом, четырнадцать лет о них нет ни слуху ни духу. Хотя я всё время пытался их разыскать через Савельева, через Чурин и Ко, через МИД и разведку, используя возможности Аналитического центра. Но пока тишина. С этими мыслями я впал в измененное состояние.

Очнулся, когда на небе начали появляться звёзды. Тело затекло, и возникло ощущение, что я пропитался водой насквозь, впитав её через поры, как губка. Огляделся по реке и по противоположному берегу. И этот осмотр мне не понравился. Судя по всему, командир под-

разделения противника вдоль реки разбросал дозоры, так как в зоне видимости было видно множество костров. Аккуратно поднявшись, убедился, что и на этом берегу дозоров хватает.

Стараясь не шуметь, снял с головы водоросли, смыл грязь и выбрался на берег. Прислушался. Тишина. Снял сапоги, вылил воду и тщательно отжал портянки, разложил их на траве. Отрезав от одной из них небольшую полоску, протёр снаружи пистолеты и лезвие шашки. Положил их рядом. Достал из-за пазухи пенал с письмом и свои документы. В темноте было невозможно рассмотреть, пострадали непромокаемые чехлы или нет. Будем надеяться, что всё нормально. Разложив главные свои ценности на траве, и сам растянулся на ней.

Пролежал так минут десять, прислушиваясь к окружающей местности. Сел, намотал влажные портянки на ноги и надел сапоги. Вложил пистолеты в кобуры, а шашку – в ножны и в крепление за спиной. Спрятал за пазуху пенал и документы, а в карман – кусок портянки.

Надо было срочно найти место, где возможно раздеться и отжать форму, при этом не засветиться на всю округу белым нижним бельём. Ещё бы лучше – чуть-чуть высушить портянки и брюки. Ноги для нас сегодня – это всё. Топать порядка двадцати вёрст, и не хватало стереть стопы, пах и бёдра мокрой одеждой и портянками с сапогами после первого десятка вёрст.

Сориентировавшись по звёздам, двинулся бесшумным шагом от реки, нацелившись пройти между двумя близлежащими кострами, горевшими метрах в трехстах-четырестах от меня. «Бесшумно появляться и беззвучно исчезать» – один из главных законов спецназа, для которого важен не бой, а выполнение задачи, причем минимальной ценой. Если можно обойтись без боя, лучше обойтись. Вступил в бой, считай, оптимально задачу не выполнил.

Добравшись до намеченного места «прорыва», метров за сто перешел на шаг в полуприседе, а услышав что-то похожее на голос, лёг и замер. Стояла вязкая тишина, нарушаемая криком криквы, стрекотом кузнечиков и цикад. Поправив за пазухой пенал с документами, осторожно двинулся по-пластунски вперёд.

Полз минут двадцать, хорошо при этом согрелся. Убедившись, что линия секретов или дозоров осталась позади, двинулся дальше сначала в полуприседе, а потом – бесшумным шагом. Пройдя так около километра, наткнулся на заросли какого-то кустарника. Осторожно продираясь через него, почти сразу же обнаружил небольшую полянку, полностью окружённую этими кустами со всех сторон.

Снял сапоги, портянки, стащил португеею и быстро разделся. Дальше пошёл процесс отжима и развешивания одежды на кустах. До рассвета оставалось ещё часа четыре, так что час на сушку потратить было можно. А двадцать вёрст я волчьим шагом часа за три пройду.

Чтобы убить время и отвлечься от мыслей о еде, разобрал поочередно пистолеты и оставил детали сушиться. Патроны прикопал. Надеяться на них после того, как они пробыли под водой больше двенадцати часов, бессмысленно. Потом начал прикидывать свой дальнейший путь.

Полковник Ванг показывал на карте наш маршрут по дороге. Карта, правда, была как на пачке «Беломора», но свой дальнейший путь я представлял. И желательно его было пройти ночью. На месте командира подразделения, которое продолжало охоту на меня, я бы помимо дозоров на реке выставил ещё дозоры верстах в двенадцати от поселка Дава. Там, если карта не врал, протекала ещё одна небольшая речушка, через которую было два моста с расстоянием примерно пять вёрст между собой. И третью цепь дозоров поставил бы перед самим Инкоу. На станцию можно было попасть только через город. Там находился наш гарнизон, но как была организована служба по охране города и его окрестностей, я не знал.

Ночь перевалила на свою вторую половину, и я быстро собрал пистолеты, предварительно протерев каждую деталь. Потом оделся, обулся, нацепил португеею и вооружился. Пистолеты были бесполезным грузом, разве только как кастет использовать, так что основным оружием у меня стала шашка, плюс два метательных ножа в чехлах на запястьях.

Измазав лицо и руки заранее приготовленной грязью, осторожно выбрался из кустарника и двинулся по запланированному маршруту, внимательно вслушиваясь в окружающую обстановку.

Десять вёрст проскочил где-то часа за полтора, не встретив никого. Двигался я от мысленно представляемой дороги метрах в пятистах, но это были только мои предположения. Как обстояли дела реально, можно было только гадать. Ещё через версту остановился, сев на землю, перемотал портянки, поднялся и дальше уже пошёл медленнее, перейдя на бесшумный шаг. Впереди ожидалась речка, через которую надо было как-то перебираться. Вновь лезть в воду не хотелось до жути. Вскоре повеяло влагой, и я ещё снизил темп передвижения.

«Н-да, приплыли», – подумал я, рассматривая в свете звёзд и луны небольшую речку с высокими и отвесными берегами.

Спуститься, рискуя сломать шею, ещё было возможно, но вот забраться на почти шестиметровую высоту противоположного берега, имеющего отрицательный наклон сверху, даже с помощью ножей было практически невозможно.

Я лег на край берега и, опустив руку, ковырнул поверхность склона. Под пальцами в труху рассыпалась, судя по ощущениям, супесь и песок. Отодвинувшись от края, сел и задумался.

Было два пути. Первый: идти вниз по течению в надежде на то, что берега изменятся, станут ниже, и появится возможность перебраться на другой берег. Только сколько это займёт времени? И куда река заведёт? Куда она впадает, по карте я не запомнил. То ли в реку Тойцзыхэ, на переправе через которую мы попали в засаду, то ли в залив.

Второй вариант – подняться вверх по берегу и осмотреть мост, который я видел на карте. Там стопроцентно будет дозор. Вопрос: сколько солдат в нём будет, и на каком берегу или берегах они расположатся? Но... Лошади и оружие у дозора точно имеются.

Подумал, подумал – и двинулся к мосту. Лучше хорошо ехать, чем плохо идти. Тем более что до Инкоу осталось меньше десяти вёрст. Рысью в темноте тридцать-сорок минут. А галопом и быстрее долететь можно, если голову не свернёшь. Вот только вероятная сеть дозоров перед самым городом? Ладно, будем разбираться с проблемами по мере их поступления. Я пока и моста не видел.

С этими мыслями я к нему и вышел. Точнее, сначала я увидел отблеск небольшого костра на том берегу. А потом при свете звёзд и луны, которая то и дело пряталась в облаках, разглядел и мост.

Два высоких быка из деревянных срубов, на которых лежит настил из досок, ограниченный перилами. Для прочности между прогонами имеются подкосы из бревен, а по верху идут насадки. Была бы хорошая видимость, я мог бы и по подкосам перебраться, но в темноте не рискну. Но плыть-то через реку так не хочется.

А если попробовать в висе, перебирая руками по нижней балке перил, боком переправиться? До первого быка метров двадцать. Там передохнуть – и потом до второго быка метров двадцать, отдых и последний пролёт. Даже если и вплавь перебираться, всё равно надо было бы плыть до второго быка, по срубам подниматься наверх, а дальше либо по подкосам, либо по балке до противоположного берега. Благо настил моста лежит на земле, и там можно незаметно выбраться.

Теперь оставалось разобраться, где у нас расположился дозор и сколько там человек. У небольшого костра, который был разложен рядом с настилом, но сбоку от дороги, я рассмотрел только двух сидящих солдат, коней увидел пятерых. Значит, минимум пятеро всадников.

Мысленно помолвившись, подполз к полотну моста с той стороны, которая оставалась в тени. Попробовал на прочность крепления нижнего бруса перил к настилу моста и через несколько мгновений повис на высоте метров шести над рекой. Перехват правой рукой вправо, левую отпустить и переместить рядом с правой. Небольшой мах телом вбок, вновь перехват правой рукой, как можно дальше вправо, потом левую руку рядом.

Первые двадцать метров до быка преодолел быстро. Пару выступающих брёвен сруба для отдыха приметил ещё на берегу. Второй бык рассмотреть не удалось в темноте, но будем надеяться, что и там аналогично будут торчать такие же брёвна.

До второго быка добрался уже медленнее и затаился на одном из брёвен, отдыхая. Тело сегодня получило хорошую нагрузку, от которой давно отвыкло. Надо себя будет заставлять упражняться на полигоне центра хотя бы по часу два-три раза в неделю. Эх, где мои шестнадцать лет и полоса препятствий в Ермаковской пади.

Только собрался двигаться дальше, как услышал, что кто-то быстро прошёл по настилу моста и остановился метрах в десяти от меня. Я затаил дыхание, проверив, как выходит нож из чехла на левом запястье.

Тут раздался продолжительный с наслаждением выдох, а через секунду внизу зажурчало.

«Лучше нет красоты, чем сделать это с высоты... Да ещё и в воду. Эстет, мля...» – улыбался я про себя, дожидаясь, когда китайский боец закончит ночной моцион.

– С облегчением, Ху. Поднимай Во, а я спать, – услышал я приглушенный голос одного из дозорных.

– Хорошо, сейчас подниму. Никого не было?

– Нет, тишина. До утра вряд ли кто появится. Да и погиб, вернее всего, этот Белый Ужас на переправе. А тело, может, уже и до залива дотащило под водой. Зря только здесь торчим.

– Лучше бы так и было. Говорят, это не человек, а дьявол. У него не то что руки, он весь в крови.

– Ладно, ладно. Не нагоняй жути. Всё, я спать.

Через пару минут на мосту появился ещё один эстет-любитель пожурчать в воду с высоты. Потом разговор двух новых часовых прервал резкий командный окрик с приказом заткнуться, и наступила тишина.

В этом молчании, которое нарушалось всхрапыванием лошадей, позвякиванием удил, треском костра, стрекотом цикад, я преодолел последний пролёт моста и выбрался на противоположный берег. Спрятавшись за опорным столбом перил, начал наблюдать за дозорными.

Двое сидели у костра, один из них помешивал веткой в нём угли. Ещё двоих я увидел лежащими рядом с костром, а вот ещё одного бойца так и не нашёл. А он должен быть. Теперь надо было решить: ликвидировать дозор или тихо пройти мимо.

Правая нога, на пятке которой появилась потёртость, говорила, что две лошади вполне заменят две ноги, как основная и заводная. На них можно большой круг сделать, обойдя город с севера и зайдя в Инкоу с востока, где точно никаких дозоров из всадников генерала Ли не будет. Трезвомыслие говорило, что лучше уйти тихо и просочиться в город через последнюю цепь дозоров в предрассветных сумерках. Но победила правая нога.

Зря, ребята, вы сидите, уставившись в огонь. Если сейчас посмотрите по сторонам, то ничего увидеть быстро не сможете, хотя ночь уже и не такая тёмная, как час назад. Достав шашку, я прикинул маршрут движения и свои действия. Пять быстрых шагов, и я между бодрствующими безоружными дозорными сделаю шашкой два маха крест-накрест. Потом два шага вперёд и два укола вниз. И дальше. Главное – пятого не проморгать.

Получилось всё, как задумал. На мои шаги двое у костра даже не обернулись. Лишь один вскинул голову, когда шашка уже пошла вниз, нацеленная на его шею. Вторым махом снизу рассёк артерию второму. Два шага вперёд – и колющий удар в сердце спящему на спине китайцу. Второй, услышав хрипы и бульканье крови из перебитых шейных артерий соседа, откинув попону, которой укрывался, попытался быстро встать, но получил сверху рубящий удар под основание черепа.

С некоторым трудом выдернув шашку, я начал осматриваться, пытаюсь найти пятого. Тут завопила чуйка, и я, не раздумывая, бросился ничком на землю. Вспышка револьверного

выстрела слева от меня, метрах в семи-восьми. Чуть приподнявшись, перехватил шашку и метнул её, как копье, даже не надеясь попасть, а просто чтобы сбить прицел.

Перекат вбок, во время которого выхватил из чехла на левом запястье метательный нож. Мой бросок и выстрел противника произошли практически одновременно. Пуля просвистела где-то совсем рядом с левым ухом, а вот мне повезло – нож вошёл в левый глаз китайца. В этом я убедился, осторожно подойдя к трупу и держа в руке второй клинок.

Да, на этот раз подарок моих братьев на двадцатилетие меня сильно выручил. Изготовленный по моим же чертежам из харалуга кузнецом дядькой Калистратом метательный нож «Лидер» из моего времени, который из-за балансировки было сподручно и оптимально метать, держась за рукоять, не подвёл.

Выдернув нож из глазницы, протёр его о мундир убитого; судя по нашивкам, тот соответствовал нашему старшему уряднику в казачьем войске. Да и лет ему было под сорок. Видимо, его командный голос я и слышал, когда он приказал заткнуться дозорным. Да и расположился этот старый вояка удачно. Рядом с костром в небольшой ямке, но его было абсолютно не видно.

Обойдя дозорных, убедился, что они все мертвы. Подобрал шашку и вернув её в ножны, занялся трофеями. Выстрелы могли услышать у второго моста, а пять вёрст галопом – это десять минут. Ну, в темноте побольше будет. Минут пятнадцать, а то и все двадцать у меня есть.

Первым делом осмотрел револьвер, из которого в меня китаец стрелял. Смит-Вессон под русский патрон, вернее всего, трофей. Не положено по штату такое оружие китайскому всаднику, даже если он и старший урядник. Не помню, как по-китайски его звание звучит. В перемётных сумках моего несостоявшегося убийцы кроме мешочка с парой десятков патронов для револьвера нашлись три фунтовые банки нашей же тушенки и галеты. Вот это дело!

Из пяти карабинов «Маузер 98» отобрал один поновее и почище. Переснарядил магазин отобранными из собранной кучи более или менее нормальными патронами, ещё десяток ссыпал в карман. Общмонал трупы и их перемётные сумки. Ничего интересного не нашёл, кроме консервов и галет. И, о счастье, в одной из сумок обнаружил пару нулевых портянок, которые тут же намотал, выкинув старые. С трудом натянул ещё сырые сапоги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.